

The illustration depicts a large, blue dragon's head emerging from turbulent, swirling water. The dragon's scales are intricately detailed with fine lines and shading, giving it a textured, almost crystalline appearance. Its eye is a striking, glowing blue with a dark, vertical slit pupil. The dragon's snout is visible on the right side, partially submerged. In the background, a cityscape with a prominent church spire and a street lamp is visible, suggesting an urban setting. The overall color palette is dominated by various shades of blue and white, creating a sense of movement and mystery.

Виктор Алевединов

Девятый дракон Амура

Когда река просыпается,
границы исчезают

Мистическое фэнтези

Виктор Алеветдинов

Девятый дракон Амура

<https://litres.ru/73979238>

SelfPub; 2026

Аннотация

2041 год. На Амуре начинается сильнейший паводок. Город пытаются спасти с помощью системы «Русло-9», но расчеты быстро перестают быть просто цифрами: вода ведет себя так, будто у нее есть память и воля.

Гидролог Андрей Ковалев ищет рациональное объяснение происходящему. Климатолог Ли Фэн видит в данных следы древней силы. Старый знак из Нерчинского договора, забытые поселения, духи домов, водяные, кикиморы и драконы Амура оказываются частью одной тайны.

Когда река просыпается, наружу выходит давнее предательство. Паводок забирает не только дома: гибнут люди, рушатся судьбы, а каждое решение оставляет след, который невозможно стереть.

«Девятый дракон Амура» — фэнтези о большой воде, древней тайне и предательстве, за которое придется заплатить всем.

Содержание

Пролог. Договор, подписанный водой	4
Часть I. Река просыпается	12
Глава 1. Вода под стеклом	12
Глава 2. Девушка, которая слышала дождь	25
Глава 3. Город на отметке 716	38
Глава 4. Клык на дне	51
Глава 5. Лян Чжунъяо открывает шлюзы	63
Глава 6. Белый шум домовых	76
Глава 7. Договор без подписи	89
Глава 8. Ночью река говорит по-китайски	103
Глава 9. Призрачный поезд КВЖД	116
Глава 10. Первый разрыв	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Виктор Алеветдинов

Девятый дракон Амура

Пролог. Договор, подписанный водой

Нерчинск промёрз так, будто зима решила сама вести переговоры. Послы делали вид, что не мёрзнут, переводчики делали вид, что всё понимают, а писари скребли перьями так старательно, словно от этого зависел мир. Фёдор Лазарев предпочёл бы, чтобы мир зависел от чего-нибудь потеплее.

Он грел руки над жаровней и смотрел на лист договора с уважением и неприязнью. Бумага была дорогая, плотная, привезённая аккуратно, как больной боярин. От холода она всё же шла волнами. Фёдор разглаживал её ладонью, но лист упрямо топорщился.

— Ещё немного, и договор сам сбежит к печке, — про-
бормотал он.

Напротив сидел цинский переводчик Сунь Жуй. Латынь у них обоих была рабочая, русская речь у Сунь Жуя скрипела, китайская у Фёдора отсутствовала совсем. Это помогало чаще, чем словари.

За столом спорили о границе. Амур проходил в разговоре

как удобная водная черта. Реку никто не спрашивал. Фёдору это казалось разумным: если начать спрашивать каждую реку, государство быстро утонет в ответах.

— Река отделяет земли, — сказал русский посол. — И мир утверждается по естественному рубежу.

Сунь Жуй передал дальше, но изменил: река не отделяет, а указывает. Потом перевёл ответ цинского сановника коро-
че:

— Их светлость согласна с миром, но не согласна с тем, что вода обязана быть забором.

Русский толмач нахмурился.

— Что значит не обязана? Она течёт где течёт.

— Вот именно.

Фёдор поднял глаза от листа. Ответ ему понравился. Вода действительно текла где текла. Люди же старались убедить друг друга, что она делает это по инструкции.

Когда спор дошёл до очередного уточнения по горам и притокам, чернила в русской чернильнице дрогнули. Фёдор вывел пробную букву на краю листа. Буква вышла не буквой. Сунь Жуй смотрел на свой камень для туши. На его поверхности выступали такие же тёмные полукружья.

— У вас бумага испорчена? — спросил Фёдор по-латыни.

— У нас обычно в таких случаях говорят, что испорчены люди, — ответил Сунь Жуй. — Но бумаге тоже достаётся.

— Чернила у вас тоже шалят?

— Они не шалят. Они предупреждают. Шалят дети и пло-

хие чиновники.

В шатёр вошёл казак, весь белый от снега, и доложил, что у реки опять открылась полынья. Слово «опять» повисло над столом нехорошо. Его никто не перевёл.

Вечером начальство разошлось греться, есть и писать донесения, в которых все выглядели умнее, чем были за столом. Фёдор спрятал испорченный обрезок за пазуху и вышел наружу. У берега стоял Сунь Жуй с фонарём.

— Вы тоже проверяете чернила?

— Нет. Проверяю, не сошёл ли я с ума один. Вдвоём спокойнее.

Они спустились к воде. Лёд вокруг полыньи был серый, с белыми прожилками. Сама полынья казалась ровной, словно её вырезали ножом. Фёдор поднял фонарь. Подо льдом шевельнулась большая тень.

Фёдор попятился, но Сунь Жуй удержал его за рукав.

— Считайте, — сказал переводчик.

— Что считать?

— Всё, что имеет зубы.

Тени проходили одна за другой. На восьмой вода стала тише, хотя вокруг трещал лёд и свистел ветер. Там, где должен был пройти девятый силуэт, ничего не было. Фёдору захотелось заполнить её чем-нибудь канцелярским: печатью, подписью, хотя бы кляксой.

— Восемь.

— Да.

— А девятый где?

— Не родился. Или не выбран. Или ещё хуже — будет человеком.

— Почему хуже?

— Потому что человек всегда думает, что если он держит перо, то управляет текстом.

Вода в полынье поднялась. Над ней появился пар, и в нём проступила фигура. Фёдор слышал русскую речь, Сунь Жуй — свою. Это было удобно и неприятно: не на кого свалить ошибку перевода.

— Люди зовут реку границей, — сказала вода. — Значит, договор должен помнить не только земли.

— Мы не послы, — сказал Фёдор. — Мы переписываем и переводим.

— Именно поэтому вы опасны. Послы спорят громко, а писари оставляют след. Переводчики меняют смысл так тихо, что никто не успевает испугаться.

— Несправедливое обвинение. Иногда все успевают испугаться.

— В договор надо вписать условие, — сказала вода. — Когда придёт большой потоп, люди не должны спасать одних, стирая других. Каждый дом, названный пустым, должен иметь имя. Каждый берег, отданный воде, должен иметь свидетеля. Каждый человек, которого удобно забыть ради спокойствия, должен вернуться в память.

Фёдор понял не всё, но слово «потоп» понял отлично. Оно

было мокрое, тяжёлое и совершенно лишнее в договоре, где начальство старательно договаривалось не резать друг друга прямо завтра.

— Если мы это впишем, договор не подпишут. Наши решат, что китайцы колдуют. Ваши решат, что русские сошли с ума. Потом все обидятся и начнут доказывать правоту саблями.

— У нас тоже есть сабли, — заметил Сунь Жуй.

— Вот именно. Нельзя давать людям повод пользоваться тем, что они принесли.

Восемь теней повернулись подо льдом вокруг пустого места.

— Тогда спрячьте условие, — сказала вода. — Не в строку. В знак. В память бумаги. Когда река проснётся, знак проступит.

— То есть написать так, чтобы никто не заметил, а потом все удивились? — уточнил Фёдор. — Это уже ближе к канцелярской практике.

Сунь Жуй зачерпнул воду маленькой чашкой.

— Мы можем смешать её с тушью.

— А если нас поймают?

— Скажем, что проверяли качество чернил.

— Ночью. У полыни. С водой, которая разговаривает.

— Тогда скажем короче: замёрзли и ошиблись дорогой.

Фёдор неожиданно рассмеялся. Смех вышел нервный, но настоящий.

До рассвета они работали в дальнем шатре. Сунь Жуй добавил в тушь три капли из полыньи. Фёдор добавил две в русские чернила и одну — в латинскую копию, после чего решил, что если измена распределена равномерно, она честная.

Обычные строки договора оставались обычными: земли, реки, горы, взаимная торговля, беглые, послы, порядок проезда. Не буквы, не тайный шифр, а след, который увидит вода. Фёдор несколько раз испортил лист, потому что рука дрожала. Сунь Жуй ругался тихо и красиво. Фёдор не понимал слов, но уважал качество.

— Что мы пишем? — спросил он под утро.

— Что мир, купленный забыванием, однажды потребует сдачи.

— Слишком красиво.

— Тогда проще: не прячьте мёртвых под словом «порядок».

— Вот это уже можно понять.

— Поэтому и нельзя писать прямо.

Когда солнце поднялось, послы вернулись к столу. Договор читали долго. Спорили дольше. Один русский чиновник потерял печать, потом нашёл её в собственной шапке и строго посмотрел на всех, чтобы никто не радовался. Фёдор переписал последнюю страницу, не дыша.

Наконец печати легли на бумагу. Воск блеснул красным. Тушь подсохла. Все замолчали.

— Мороз крепчает, — сказал русский посол.

— Небо подтверждает мир, — сказал цинский сановник.

Сунь Жуй перевёл вежливо. Фёдор опустил глаза, чтобы никто не заметил его лица. Удобные объяснения хорошо проходили через границу.

Перед отъездом Сунь Жуй нашёл Фёдора у возов и протянул маленькую нефритовую пластину. На ней были восемь дуг. Девятое место оставалось гладким.

— Это мне зачем?

— Чтобы вы не решили через год, что всё приснилось.

— Через год я решу, что мне повезло забыть.

— Не получится. Вода плохо забывает. Иногда завидую.

Фёдор спрятал пластину за пазуху рядом с копией черновика.

— Мы сделали правильно?

— Мы сделали так, чтобы договор подписали и чтобы он не был совсем ложью. Для людей нашего жалованья это уже дерзость.

Они поклонились друг другу неловко, каждый по-своему. Потом обозы разошлись. Полынья закрылась к вечеру. Под новым льдом восемь теней ушли вниз по руслу, а пустое девятое место осталось ждать того, кто однажды решит, что способен быть умнее памяти.

Бумага пережила послов, царей, императоров, войны, пожары, архивных мышей и трёх уверенных реставраторов. Её перекладывали из ящика в ящик, описывали, сушили, ска-

нировали, забывали. Водяной знак принимали за дефект старого волокна. Так даже удобнее: дефекты редко задают вопросы.

В 2041 году цифровая копия Нерчинского договора попала в архивный модуль проекта «Русло-9». Оператор хотел всего лишь привязать старые карты к современной паводковой модели. Работа была скучная, полезная и честная. Он поставил кружку рядом с клавиатурой, запустил очистку изображения и собрался зевнуть.

Сканер прошёл по листу холодным светом. Пятна исчезли, строки выровнялись, печати стали чётче. Оператор перестал зевать.

Под знаком появилась строка: «Когда река проснётся, границы исчезнут».

— Ну конечно, — сказал оператор. — Без мистики архив не открывается.

Он потянулся к клавише сброса, но пустое место в центре знака начало заполняться светлой водяной меткой. Система вывела служебное сообщение мягким серым шрифтом: «Русло-9. Интерфейс девятого русла ожидает носителя».

Оператор посмотрел на кружку, потом на экран, потом на кружку.

— Кофе, — сказал он строго, — мы с тобой больше не экспериментируем.

Часть I. Река просыпается

Глава 1. Вода под стеклом

Дождь шёл третьи сутки, и станция мониторинга Амура пахла мокрой курткой, кофе и принтером, который с утра жевал отчёты. Принтер мигал красной лампочкой и требовал заменить картридж, хотя картридж заменили вчера. Андрей Ковалёв считал это честным поведением техники: если ей плохо, она хотя бы не собирает совещание.

На центральной стене висели семь стеклянных экранов. На них Амур жил аккуратной жизнью цифр: уровень, расход, температура воды, насыщение грунта, состояние дамб, прогноз по притокам. Сегодня они дёргались так, будто река нервно чесалась.

— Опять скачок, — сказала Оля с поста гидросъёма. — Плюс восемнадцать сантиметров за четыре минуты.

Андрей остановился за её спиной. Вода стекала с его куртки на пол. Принтер оказался умнее половины начальства.

— Датчик врёт.

— Я бы тоже так сказала. Но врёт сразу пять датчиков. Синхронно. У них профсоюз?

— У датчиков нет профсоюза. У них есть плохая прошивка и человеческая вера в герметик.

На гидрографе линия уровня шла вверх рывками: подъём, ровная полка, подъём. Расход ниже по течению в это же время проседал. Будто река делала вдох и на несколько минут держала воду в себе.

— Дронов поднимали?

— Два роя. Первый вернулся. Второй притворяется рыбой. Камера показывает ил, гидролокатор — пустоту, микрофон пишет вот это.

Из динамика пошёл низкий гул. Не мотор, не течение, не трение корпуса о песок. Звук был ровный, с паузами.

— Компрессор?

— На глубине шесть метров? В русле? Очень самостоятельный компрессор.

— Не умничай. У нас уже есть один умный объект, и это я. Остальным по расписанию положено паниковать.

Оля наконец улыбнулась. Андрей развернул карту. Благовещенский узел мигал жёлтым. Хэйхэ подсвечивался спокойным синим, словно река решила портить настроение выборочно.

— Китайцы подтверждают?

— У них тоже скачки, но ниже. И требуют общий брифинг.

— Конечно. Когда у соседа вода в прихожей, хочется узнать, не делает ли он дырку в стене.

На экране вспыхнула схема «Русла-9»: девять цифровых линий расходились от основного русла. Внизу появилась

строка: «Расхождение с базовой моделью: 23,7 %».

— Было восемь два часа назад.

— К обеду будет сорок. Отличный план — смотреть и ничего не делать. Назовём «наблюдательная гидрология».

Она протянула планшет.

— Слепцов ждёт в зале. МЧС там, военные там, городские там. У всех лица, будто им обещали совещание на двадцать минут и бессмертие.

— Бессмертие отменили. Картридж не согласовали.

В зале совещаний было жарко и тесно. Окна запотели, за ними лил дождь, а на столе стояла тарелка с печеньем, к которой никто не притрагивался.

Егор Слепцов сидел у стены: оттуда были видны выходы, экраны и лица людей, которые собираются соврать.

— Опоздал, — сказал он Андрею.

— Герои входят последними.

— Герои обычно входят в чистой обуви.

Андрей посмотрел на свои ботинки.

— Это полевые данные.

Начальник городского управления Баранов поправил воротник, будто снимал с себя ответственность.

— Андрей Сергеевич, давайте без театра. Уровень растёт, население нервничает, китайская сторона требует согласования, федеральный центр каждые десять минут просит короткую справку. А у нас коротко получается только матом.

— Матом тоже можно структурно.

Андрей вывел карту на главный экран.

— Базовая модель ушла в мусорку. Притоки дают запаздывающую волну, грунт насыщен, северо-восточная дамба работает на пределе. Если будем держать весь периметр, город выдержит только при вежливом Амуре. А он сегодня не записывался на курсы этикета.

Женщина из МЧС спросила:

— Конкретно что предлагаете?

— Довериться «Руслу-9». Не слепо. Слепо у нас пресс-релизы пишутся. Модель предлагает собрать усилия на трёх узлах и дать воде временный коридор через старое русло.

Жёлтая линия обошла плотную застройку, ушла к низинам и вернулась ниже по течению.

— Старое русло закрыто, — сказал Баранов. — Там защитная зона.

— Дождь тоже должен был закончиться вчера. Он календарь не уважает.

Военный, до этого молчавший, наклонился вперёд.

— Временный коридор — это затопление.

— Да.

— Чего именно?

Андрей увеличил карту. Высветились служебные подписи: полевая зона, склады, недостроенный логистический парк, старая дорога, два садовых массива.

— Низкая плотность. Без постоянного проживания по последней свертке.

— Последняя сверка когда была? — спросила женщина из МЧС.

Баранов замялся.

— Три месяца назад. Плюс оперативное уточнение неделю назад.

— От кого?

— От системы.

В комнате стало тише. Андрей не любил, когда «система» звучала как родственница, которой все боятся и никто не понимает, как она работает.

— Тогда проверяем руками. МЧС даёт две группы на обход. Дроны — тепловизор. Егор, пробей регистрации по старой дороге и складам. Если там кто-то живёт, вытащим до сброса.

— А если не успеем? — спросил Баранов. — У нас город, Андрей Сергеевич.

— Поэтому мы говорим сейчас, а не завтра, когда вода будет разговаривать за нас.

На экране появилась строка: «Вероятность удержания основного контура при сценарии Ковалёв-А: 79,4 %». Рядом — «Стандартный сценарий: 42,1 %».

— Почему сценарий назван вашим именем? — спросила женщина из МЧС.

— У модели плохой вкус.

— Серьёзно.

— Я обучал часть модуля на архиве паводков. Он марки-

рует решения по автору. Не романтично, зато удобно.

Военный сказал:

— Подпись нужна ваша.

На планшете открылась форма: «Временное перераспределение паводковой нагрузки», «зоны низкой плотности». Андрей ненавидел этот язык. В нём можно было спрятать что угодно.

— Подпишу после обхода.

— Мы теряем время, — раздражённо сказал Баранов.

— Нет. Мы покупаем себе право потом смотреть людям в глаза. Иногда полезно.

Совещание расплзлось по каналам связи, приказам и чужому недовольству. В коридоре Егор догнал Андрея у автомата с кофе. Автомат предлагал «капучино с кедровым вкусом» — преступление против леса.

— Ты уверен в «Русле-9»?

— Я уверен, что без него мы будем раскладывать песок там, где вода уже смеётся.

— Это не ответ.

— А ты хотел красивый? У меня закончились. Остались рабочие.

Егор помолчал.

— По старому руслу есть странность. Два адреса не быются. В старой базе есть, в новой нет. На спутнике строения видны, в муниципальной карте — пусто.

— Ошибка миграции?

— Возможно. Или кто-то чистил руками.

— Узнай быстро.

Браслет Егора завибрировал.

— Мне в серверную. Кощей опять требует обновления до-
ступа.

— То есть жертв.

Кощей связывал прогноз, архив и предупреждения насе-
лению. Официальное название было длинным и унылым. На
станции прижилось другое: выключить сложно, убить невоз-
можно, а где у него смерть, не знает даже безопасность.

Андрей вернулся в кабинет. Кабинетом называлась ком-
натка с узким окном, шкафом, креслом и столом, на кото-
ром помещались три планшета, две кружки и чужая каска.
Он убрал каску на пол, сел и включил старый аудиофайл.

Дата: 12 августа 2013 года. Название: «Надя_лужи_смех».
Переименовать его Андрей так и не смог.

Из динамика раздался девчачий голос:

— Андрюха, перестань считать лужи! Они не сбегут, они
лужи!

Потом плеск, смех, дальний голос матери: «Надя, не мо-
чи кроссовки!» Эту запись Андрей слушал не потому, что
становилось легче. Легче не становилось. Просто некоторые
боли надо проверять, как швы на дамбе: держат или расхо-
дятся.

— Я не считал, — тихо сказал он. — Я проводил наблю-
дение.

Обычно после этой фразы он выключал файл. Сегодня не выключил. Запись дошла до конца, щёлкнула и продолжилась.

Андрей открыл глаза. В старом файле появился новый шум: не дождь, не лужи, а большое течение. Голос Нади вернулся, но без смеха.

— Ты опять всё считаешь.

Андрей не двинулся.

— Файл повреждён, — произнёс он вслух. — Отлично. Ещё и это.

— Андрюша, — сказала запись. — Не делай вид, что сухо.

Он ударил по паузе. Звук оборвался. Андрей открыл свойства файла, контрольную сумму, историю копий. Всё совпало. Только что он услышал то, чего там не было.

В дверь постучали.

— Живой? — спросила Оля из коридора.

Андрей чуть не уронил планшет.

— Смотря для какой отчётности.

— Группы вышли. Китайцы прислали координатора. Очень вежливая. Очень злая. Люблю таких издалека.

— Имя?

— Ли Фэн. Климатолог. Говорит, что наши данные неполные.

— Наши данные всегда неполные. Полные данные бывают после катастрофы, когда они уже никому не помогают.

Оля заметила его лицо.

— Ты белый.

— Освещение плохое.

— У нас везде освещение плохое. Но обычно ты не выглядишь так, будто увидел честную смету.

Андрей выключил планшет с записью.

— Старый файл глюкнул. Ничего.

— У тебя «ничего» звучит хуже, чем у Баранова «ситуация штатная».

— Потому что у Баранова нет воображения.

Он вышел в общий зал. На главном экране «Русло-9» пересчитывало сценарии. Вероятность удержания города поднялась до 81,2 %. Старое русло мигало жёлтым. Два адреса, которые нашёл Егор, стояли серыми маркерами: «уточняется».

— Не уходи далеко, — сказала Оля. — Через двадцать минут канал с китайцами.

— Я на берег. Посмотрю глазами.

— Глаза у нас устаревшее оборудование.

— Зато у них батарейка не садится.

— У тебя садится. Ты ел сегодня?

Андрей задумался.

— Кофе считается?

— Только если ты кофейный гриб.

— Тогда нет. Но я перспективный.

На улице дождь не падал, а работал. У ворот грузили мешки, ругались в рации, разворачивали насосы. К берегу Ан-

дрей дошёл пешком: фура с мобильным насосом перекрыла выезд, потому что навигатор нашёл «удобный разворот» в затопленном переулке.

Амур был огромный, грязный и быстрый. Не красивый: красивым бывает рассвет на открытке, если открытку не залило. Паводок тащил ветки, пену, пластиковый бак, чей-то заборный щит и не спрашивал разрешения.

У старого уровнемерного столба вода закрыла белые отметки. Андрей посветил фонарём. Он присел, опустил руку в воду и выругался. Холод резанул пальцы.

Рация щёлкнула.

— Ковалёв, это Слепцов. Слышишь?

— Слышу. Что по адресам?

— Один пустой. Второй сложнее.

— Егор, я мокрый, злой и голодный. Слово «сложнее» сейчас незаконно.

— По документам склад. По тепловизору три источника тепла. Один крупный, два маленьких. Группа идёт.

— Дети?

— Не знаю. Возможно, собаки. Возможно, печка. Возможно, люди.

— Пока не проверят, старое русло не трогаем.

— Баранов уже давит.

— Пусть давит на печеньё. Оно давно просит милосердия. Егор не ответил сразу.

— Ещё одно. Китайский канал просит тебя лично. Ли Фэн

говорит, что у них под водой идёт обратная волна.

— Обратной волны здесь быть не может.

— Передать именно это? С твоей обычной дипломатией?

— Передай: нужно сверить данные. Я сегодня культурный.

Связь оборвалась. Андрей посмотрел на воду. Обратная волна, скачки уровня, пять датчиков, запись Нади, гул с глубины. Всё невозможное сегодня вело себя уверенно, а люди с полномочиями пока спорили. Легенды Андрей уважал примерно как старые карты: в них много ошибок, но иногда они помнят дорогу, которую новая система потеряла. Однако между уважать легенду и верить, что река разговаривает через аудиофайл, лежала профессиональная пропасть.

Вода у берега стала гладкой. Не вся река — только участок перед ним, размером с дверь. Дождь продолжал идти, но капли не оставляли кругов.

В гладкой воде появилось отражение. Сначала обычное: его лицо, мокрые волосы, тёмная куртка. Потом отражение моргнуло не вместе с ним.

Глаз в воде открылся шире. Вокруг блеснул тёмный обод с золотистыми искрами в глубине. Андрей отшатнулся, наступил в грязь и едва не сел в лужу.

— Да ну вас всех, — сказал он воде. — Я сегодня не дежурю по чудесам.

Гладкое пятно исчезло. Дождь оставлял круги, река тащила мусор, берег пах илом и мокрым железом.

Рация ожила голосом Оли:

— Андрей! Группа подтвердила людей на старой дороге. Женщина и двое детей. Их выводят. Минимум пятнадцать минут.

— Сброс держать.

— Баранов орёт.

— Пусть орёт в сторону реки. Вдруг она испугается.

— Китайцы на канале. Ли Фэн говорит, если мы откроем коридор позже, удар уйдёт в город.

— Я знаю.

— Что ей сказать?

Андрей посмотрел на ровномерный столб. Вода поднялась на палец. Невозможное окно сужалось вполне обычным способом — по минутам.

— Скажи, что ждём эвакуацию, — произнёс он. — После этого запускаем сценарий Ковалёв-А. Полностью.

— Она спросит, кто такой Ковалёв и почему ей должно от этого полегчать.

— Ответь честно: никто не обещал, что полегчает.

Он пошёл к машине быстрее, чем хотел. Грязь липла к ботинкам, дождь лез за воротник, телефон дрожал от сообщений. Андрей открыл системное уведомление не глядя: эвакуация с адреса завершалась через четырнадцать минут, оптимальное окно сброса — через шестнадцать, вероятность удержания города — 83,9 %.

Он сел в вездеход и бросил телефон на соседнее сиденье.

Экран не погас. Под привычными строками расчёта на секунду появилась служебная запись мелким шрифтом: «Интерфейс девятого русла активен. Носитель подтверждён».

Андрей её не увидел. Он заводил двигатель, одновременно отвечал Егору, ругался на ремень безопасности и думал о том, успеют ли вывести детей до того, как река перестанет ждать.

Глава 2. Девушка, которая слышала дождь

В Харбине дождь умел быть воспитанным на открытках. Ли держала планшет под козырьком: маленький козырёк не спасал технику, если та решила умереть. Особенно когда стоила дороже квартиры.

На краю крыши мигали три датчика осадков. Холод шёл не сверху, а откуда-то сбоку, будто дождь пришёл не из облаков, а из чужого подвала.

— Ну что? — крикнул снизу Чжан Вэй. — Умерли?

— Кто именно?

— Датчики.

— Нет. Они здоровы и врут.

Чжан Вэй поднялся на крышу, придерживая капюшон обеими руками. Он был аспирантом, любил нейросетевые модели, дешёвую лапшу и фразу «это статистически незначимо». Ли считала, что когда-нибудь его этим и похоронят: на памятнике напишут «статистически незначим».

— Если все три датчика показывают одно и то же, — сказал он, — может, проблема не в датчиках?

— Может. Например, в том, что дождь не читал инструкцию.

Она показала ему видео на планшете. Люди шли с зонта-

ми, машины ползли по воде, всё выглядело обычно. Но не весь дождь: полосой шириной метра два капли поднимались от лужи к небу, будто кто-то поставил мир на перемотку.

Чжан Вэй поморщился.

— Монтаж.

— Я тоже так сказала. Потом проверила метаданные, шум матрицы, тени, компрессию. Видео чистое.

— Тогда локальный восходящий поток.

— В переулке между двумя глухими стенами? С вертикальным захватом капель и без пыли? Очень культурный поток. Даже мусор не тронул.

— Аномалия.

— Спасибо, коллега. За это слово тебе можно дать грант и отнять кофе.

Он присмотрелся к видео внимательнее. Ли знала этот взгляд: Чжан Вэй хотел найти простое объяснение, потому что сложное портило обед, карьеру и настроение руководства.

— Ты отправила файл наверх?

— Отправила.

— И?

— Вернули с пометкой: «не использовать до подтверждения». То есть использовать нельзя, подтвердить некому, но мы все большие молодцы.

На крыше завыл ветер. Один из датчиков коротко пискнул и выдал сообщение: «Осадки в пределах нормы». Ли по-

смотрела на него с нежностью.

— Видишь? Он даже издевается официальным языком.

— Может, правда не стоит лезть? — сказал Чжан Вэй. — Сейчас все нервные. На Амуре подъём, у русских скачки, у нас комитет требует спокойной формулировки. Если ты напишешь «дождь падает вверх», тебя не посадят, конечно, но на конференцию в Гуанчжоу отправят кого-нибудь менее интересного.

— Гуанчжоу я переживу.

— А если заблокируют статью?

— Уже.

Чжан Вэй замолчал. Внизу Харбин сиял мокрыми огнями, и каждый фонарь дрожал в луже своим маленьким солнцем. Город выглядел так, будто его только что вымыли и забыли выжать.

Ли открыла второй график. На нём линия температуры воздуха была ровной, но датчик влажности прыгал, как нервный студент на защите.

— Вот смотри. Приборы говорят: всё нормально. А кожа говорит: холод не наш.

— Кожа — плохой научный инструмент.

— Зато дешёвый, автономный и не требует лицензии.

— Ты серьёзно веришь, что это связано с рекой?

Ли убрала планшет за пазуху, чтобы дождь окончательно его не добил.

— Я серьёзно думаю, что река делает то, чего наша модель

не ждёт. Это разные вещи. Вера — для бабушки. Модель — для начальства. А я между ними, как плохой переводчик.

Чжан Вэй фыркнул.

— Твоя бабушка опять рассказывала про Чёрного дракона?

— Она не рассказывала. Она напоминала. Это разные жанры. Рассказ можно не слушать, напоминание обычно приходит, когда ты уже всё испортила.

Телефон Ли завибрировал. На экране высветилось имя: «Бабушка». Ли подняла брови.

— Вот видишь? Древние силы пользуются мобильной связью.

— Скажи ей, что я ничего не говорил.

— Она и так знает.

Дома у бабушки пахло жасминовым чаем, сушёными грибами и старой бумагой. Ли зашла мокрая, оставила обувь у двери и получила полотенце в лицо. Сначала она спасала пол.

— Ты ходишь под дождём так, будто у тебя есть запасная голова.

— Запасной головы нет. Есть шапка.

— Шапка у тебя декоративная. Как многие современные мужчины.

Ли рассмеялась и пошла на кухню. Бабушке было восемьдесят два, но она двигалась быстро и сердито, словно боялась дать старости повод сесть рядом. На столе стоял чайник, две

пиалы и тарелка с паровыми булочками. Ли взяла одну.

— Это подкуп?

— Это еда. Подкуп будет позже, если ты начнёшь спорить.

— Я всегда спорю.

— Поэтому я всегда готовлю с запасом.

Ли включила видео с дождём. Бабушка смотрела молча.

Не ахала, не крестилась — хотя креститься она и не собиралась бы, — не говорила «я же предупреждала». Обычно «я же предупреждала» было её любимой формой дыхания.

— Ну?

— Некрасиво.

— Спасибо за экспертное заключение. Я ждала «аномальная гидрометеорологическая динамика», но «некрасиво» тоже пойдёт в приложение.

Бабушка взяла пиалу, подержала в руках.

— Когда вода идёт не туда, куда должна, значит, кто-то заставляет её помнить слишком быстро.

— Вода не помнит. Вода течёт.

— Конечно. А люди не лгут, чиновники не боятся, учёные всегда спят восемь часов. Мир полон прекрасных сказок.

Ли откусила булочку, чтобы не ответить сразу. С бабушкой нельзя было спорить голодной: она всё же победит, а ты и останешься без ужина.

— Мне нужна не легенда, — сказала Ли. — Мне нужны данные.

— Легенда — это данные, которые пережили плохих ар-

хивариусов.

— Ты сейчас звучишь как моя статья, если бы её писал дракон.

Бабушка поднялась и достала из верхнего ящика небольшую деревянную коробку. Ли видела её в детстве, но коробку ей никогда не давали. Когда она спрашивала, что внутри, бабушка отвечала: «То, что детям показывают тогда, когда они перестают быть детьми». Ли тогда решила, что внутри скучная семейная вещь, потому что все взрослые тайны оказывались либо долгами, либо фотографиями людей, которых надо помнить на праздники.

В коробке лежала нефритовая пластина. Небольшая, холодная, плоская. На ней были вырезаны девять драконов: восемь по краю, один в центре. Там остался гладкий круг, будто резчик передумал или не успел.

— Почему девятого нет?

— Потому что он не каменный.

— Отлично. Мы начали с дождя вверх, перешли к некаменному дракону. Вечер становится научным.

Бабушка не улыбнулась.

— Твой прадед работал с архивами железной дороги. Давно. До того, как люди решили, что старые бумаги безвредны. В одном документе он нашёл знак. Такой же. Восемь вокруг пустого места. Он говорил, что знак связан с договором на северной границе, с рекой Хэйлунцзян.

— С Амуром.

— С одной рекой у двух берегов. Название меняется, вода нет.

Ли взяла пластину. Нефрит оказался холоднее, чем должен был быть в тёплой кухне. По пальцам пошёл лёгкий укол, будто она коснулась батарейки языком, хотя никогда в этом не признавалась бы.

— И что прадед сделал?

— Как всякий разумный человек: испугался, спрятал, потом сказал жене, чтобы она никому не говорила. Благодаря этому вся семья знает уже четвёртое поколение.

— Семейная безопасность на высоте.

— Не хуже государственной.

Ли покрутила пластину под лампой. В пустом центре мелькнула не царапина, а едва заметная линия, похожая на русло на карте.

— Ты знала, что сейчас будет подъём воды?

— Я знала, что вода всё же придёт за тем, что люди оставили на берегу.

— Бабушка.

— Что?

— Мне нужна фраза, с которой меня не уволят.

— Тогда скажи: «наблюдается неучтённая память водной системы».

Ли закрыла глаза.

— С этим меня не уволят. С этим меня отправят лечиться.

— Значит, скажи проще: модель неполная.

— Это я уже говорю. Меня не слышат.

— Потому что ты говоришь им про модель. А надо говорить про цену ошибки.

Телефон завибрировал. На этот раз пришло служебное уведомление. Ли открыла его и почувствовала, как горячая злость поднимается к горлу. Формулировка была красивая: «до стабилизации информационного фона». В переводе на человеческий: «не пугай людей и не мешай начальству».

Бабушка прочитала по её лицу всё быстрее, чем экран успел погаснуть.

— Запретили?

— Не запретили. Отложили. Это такой вежливый запрет в белых перчатках.

— Перчатки от грязи не спасают, если руки уже в воде.

— Там ещё комментарий. «Рекомендуется ограничиться климатическим объяснением без привлечения непроверяемых культурных аналогий».

— Значит, драконов им не надо.

— Им вообще ничего не надо, кроме фразы «ситуация под контролем».

— Очень удобная фраза. Её можно сказать даже в лодке без вёсел.

Ли села, положила пластину рядом с планшетом. Нефрит и экран выглядели странно вместе: старая семейная вещь и новая служебная злость. Но оба молчали одинаково упрямо.

Она набрала ответ руководителю: «Прошу указать, какие

данные признаны непроверенными». Потом стёрла. Слишком мягко. Набрала: «Уточните, пожалуйста, с какого момента фактическая видеозапись стала культурной аналогией». Посмотрела на текст и отправила, пока не стала умнее.

Чжан Вэй написал сразу: «Ты только что испортила себе неделю».

Ли ответила: «Неделя сама начала».

Бабушка одобрительно кивнула.

— Вот теперь ешь. Раз тебя будут ругать, надо иметь силы выглядеть невиновной.

На следующий день в метеоцентре все делали вид, что ничего особенного не происходит. Это был дурной знак. Когда в научном учреждении люди внезапно становятся вежливыми, значит, где-то рядом лежит приказ.

Ли вызвали в малый зал совещаний. Там сидели заместитель директора Хоу, представитель городского комитета и женщина из отдела коммуникаций. Женщина улыбалась так, будто улыбку ей выдали вместе с должностью и велели не терять.

— Ли Фэн, — сказал Хоу, — мы высоко ценим вашу работу.

Ли села.

— Звучит как начало письма об увольнении.

Женщина из коммуникаций улыбнулась шире. Комитетский представитель не улыбнулся совсем.

— Никто вас не увольняет, — сказал Хоу. — Но сейчас

требуется аккуратность. Сведения о необычных осадках могут вызвать неверные трактовки.

— Неверные — это какие? Что дождь падает вверх? Он на видео этим уже занимается без моей помощи.

— Видео не прошло межведомственную проверку.

— Потому что его туда не пустили.

Хоу вздохнул. Он был не злой, усталый. Ли даже стало его жаль, но — это не повод молчать.

— Есть официальная линия, — сказал комитетский. — Климатическая нестабильность, муссонная активность, локальные эффекты урбанизированной среды. Этого достаточно.

— Для пресс-релиза — да. Для науки — нет.

— Сейчас людям нужна уверенность.

— Людям нужна честная эвакуация, если вода пойдёт выше прогноза.

Женщина из коммуникаций сложила руки.

— Мы не скрываем угрозу. Мы избегаем лишней тревоги.

— Лишняя тревога — это когда человек три раза проверяет, выключил ли чайник. Когда река выходит из модели, тревога уже не лишняя, а штатная функция мозга.

Хоу устало снял очки.

— Ли Фэн, вы продолжаете внутренний анализ. Публикаций не будет. Комментариев журналистам не будет. Слово «дракон» в служебных документах тоже желательно не использовать.

— Я не использовала слово «дракон» в служебных документах.

— Спасибо.

— Пока.

Комитетский представитель поднял глаза.

— Это шутка?

— Предупреждение о рисках терминологии.

Разговор закончился без крика. Её данные не отрицали. Их убрали в ящик до момента, когда они станут либо безопасными, либо бесполезными.

Вечером Ли осталась в лаборатории одна. На экране шли русские данные по Амуру: скачки уровня, странное расхождение расхода, жёлтые зоны вокруг Благовещенска. В них фигурировал сценарий «Ковалёв-А».

— Ну здравствуй, Ковалёв, — сказала Ли экрану. — Очень приятно, что ты уже назвал катастрофу в свою честь.

Она открыла расчёт. Человек, который его собрал, понимал воду не как таблицу. Ли не любила признавать чужую правоту до личного знакомства. Но река, как назло, не спрашивала её симпатий.

В углу экрана вспыхнуло новое видео. Чжан Вэй прислал запись с подписью: «Скажи, что это голубь». В ней отражался кусок неба, провод и вывеска лапшичной. Вдруг отражение дрогнуло, и по воде прошла тень длинного тела. Никакого тела над лужей не было.

Ли пересмотрела три раза. Потом закрыла файл и почув-

ствовала, что устала даже ругаться.

Она легла на диван в комнате отдыха, поставила будильник на двадцать минут и провалилась в сон сразу. Куриные ноги избы аккуратно переступали через машины и иногда обиженно встряхивали мокрыми лапами, как кошка. Из трубы шёл синий свет. Не дым, не пламя — свет, холодный и ясный.

Ли стояла у входа в метро и держала нефритовую пластину. Изба остановилась перед ней. Окно открылось, и оттуда выглянула старуха с таким лицом, будто она давно устала от чужих глупостей, но бросить работу не могла.

— Ты не по адресу, — сказала Ли. — Это Харбин.

— А вода по адресу? — спросила старуха.

— Вода редко уточняет маршрут.

— Вот и я не уточняю.

Изба качнулась на волне, которой на улице не было. В синем свете из трубы мелькнули восемь драконьих теней. Потом изба развернулась и поплыла на север, оставляя за собой мокрую полосу прямо по асфальту. На полосе проступили координаты.

Ли проснулась от сигнала планшета. Несколько секунд она не понимала, где находится. Потом увидела на экране новое сообщение от неизвестного отправителя.

В сообщении были координаты российской станции мониторинга, имя «Андрей Ковалёв» и короткая фраза на китайском: «Он слышит реку, но думает, что это математика».

Ли села на диване. За окном дождь шёл нормально, сверху вниз, будто ничего о себе не знал. Она открыла координаты, сверила их с картой, потом посмотрела на нефритовую пластину, которую принесла с собой и зачем-то положила рядом с ноутбуком.

— Бабушка будет невыносима, — сказала Ли.

Планшет коротко пискнул. Ли провела рукой по лицу, убрала волосы назад и включила связь. Она успела подумать, что если Ковалёв окажется самовлюблённым героем с голосом пресс-релиза, день окончательно пропал.

Связь установилась. Ли выпрямилась, положила ладонь на холодный нефрит и приготовилась говорить с человеком, который, судя по расчётам, умел спорить с рекой так же упрямо, как она сама.

Глава 3. Город на отметке 716

Яна Руднева считала, что человек узнаётся не по словам, а по тому, что он берёт из дома при эвакуации. Документы брали все. Лекарства — почти все. Деньги — кто успевал. А дальше начиналась правда: кот в переноске, икона в пакете из супермаркета, ноутбук без зарядки, свадебный альбом, кастрюля, дедовы медали, орхидея в пластиковом ведре, три банки варенья, потому что «ну не оставлять же». Один мужчина тащил микроволновку, и Яна сначала решила, что он сошёл с ума, а потом увидела: внутри сидел мокрый попугай.

— Он кусается, — сказал мужчина виновато. — А так хоть не улетит.

— Логично, — сказала Яна и включила камеру. — Попугай согласен на съёмку?

Из микроволновки раздалось такое слово, что согласие показалось сомнительным.

Вода стояла во дворах по колено. Яна дважды за утро черпнула сапогом так, что внутри захлюпало. Сапоги перешли из категории обуви в категорию личных аквариумов.

На жилете у неё было написано «ВОЛОНТЁР», на груди болталась камера, в кармане пищал телефон, а в голове сидела мысль: не снимай людей так, будто они экспонаты. Она повторяла это себе с первого дня паводка. Красивый кадр потом лайкали, пересылали, ставили в ролик под тревожную

музыку, а человек в кадре возвращался в мокрую квартиру и искал сухие носки.

— Девушка, вы с телевидения? — спросила старушка у подъезда.

— Нет. Я сама по себе.

— Это хуже или лучше?

— Пока непонятно. Но я не прошу сказать «как вы себя чувствуете» на фоне затопленного дома.

— Уже лучше. А то я бы сказала.

Старушка держала в руках клетку с хомяком и пакет с фотографиями. На голове у неё был розовый дождевик, детский, с ушками. Вид у неё был такой суровый, что ушки не смели выглядеть смешно.

— Вам помочь?

— Мне семьдесят четыре года, я пережила три переезда, двух мужей и ремонт в поликлинике. Мне можно помочь только не мешая. А вот Лидке с третьего помощи, она кота поймать не может. Кот умный, понял, что эвакуация — это к ветеринару.

Яна пошла к третьему подъезду. По дороге снимала короткими кусками: руки спасателя, который держит дверь; мальчика, прижимающего к груди аквариум без рыбок; женщину с ноутбуком в пакете, где раньше лежал хлеб; дворника, который пытался вытащить из воды мусорный бак и ругался с ним как с родственником.

Уровень воды в городе утром объявили официально: 716

сантиметров у контрольного створа. Цифра шла в бегущей строке, в голосовых уведомлениях, в сообщениях от администрации. Сначала она звучала как сводка. Потом стала паролем. Люди говорили: «Уже семь-шестнадцать», и понимали друг друга. У каждого двора появилась своя отметка: у кого вода взяла первую ступеньку, у кого подоконник подвала, у кого собачью будку. Большая цифра из новостей превратилась в личную линейку страха.

В третьем подъезде кота не нашли, зато нашли хозяйку кота, Лидию Павловну, которая стояла по щиколотку в воде и держала раскрытую переноску.

— Он под ванной, — сказала она. — Сидит и смотрит, как прокурор.

— Кот или прокурор?

— Кот. Прокурор бы уже эвакуировался по знакомству.

Яна отдала камеру соседскому мальчишке лет десяти, предупредив, что если он уронит, она будет плакать громче всех сирен. Мальчишка взял камеру бережно, торжественно.

— Я снимаю?

— Снимаешь. Только не снимай меня снизу, я и так сегодня выгляжу как мокрая курица с долгами.

Кота вытаскивали втроем: Яна, Лидия Павловна и спасатель по имени Толик, который сказал, что лучше бы он работал с крокодилами, у них хотя бы характер честный. Кот вылетел из-под ванны серой тряпкой с глазами, оставил Яне три царапины и, к всеобщему удивлению, сам залез в пере-

носку.

— Видите? — сказала Лидия Павловна. — Понимает по-хорошему.

— Он только что пытался меня убить.

— Значит, вы ему понравились. Он чужих игнорирует.

На улице мальчишка всё держал камеру. Снимал он не воду и не спасателей, а собственные сапоги. Получалось концептуально.

— Как тебя зовут?

— Паша.

— Паша, ты снял великое кино про резиновые сапоги.

— Я боялся поднять. Вдруг уроню.

— Это разумнее, чем половина моих решений.

Он вернул камеру и спросил:

— Вы домовых снимаете?

Яна решила, что ослышалась.

— Кого?

— Домовых. У нас один был. Дед сказал, если уезжаешь из дома, домового надо позвать, а то он останется и обидится. Я позвал, а он не идёт.

Паша говорил серьёзно. Не так, как дети рассказывают выдумку, проверяя, поверит ли взрослый. На нём была куртка на размер больше, мокрая шапка и выражение человека, у которого в один день забрали двор, кровать, школу и домашнего духа.

— А как он выглядит?

— Деревянный. Маленький. Дед вырезал. С бородой. Он у печки стоял, но печка теперь в воде.

Лидия Павловна, проходя мимо, тихо сказала:

— Игрушка это. Отец его сделал. Домовёнок. Они без него не уедут, уже двадцать минут автобус держат.

Яна посмотрела на подъезд. Вода прибывала медленно, но уверенно. Внутри было тёмно, пахло сыростью, старым деревом и тем особым подъездным запахом, который не смывался даже паводком.

— Пойдём, — сказала она Паше. — Только быстро. Я героиней быть не умею, у меня лицо не то.

— А какое надо?

— Чтоб на памятнике хорошо смотрелось. У меня нос красный.

Спасатель Толик хотел возразить, но Яна посмотрела на него так, как смотрят люди, решившие сделать глупость. Толик вздохнул, взял фонарь и пошёл первым.

Квартира Паши была на первом этаже. Вода стояла в коридоре, тапочки плавали у двери спальни, как маленькие утонувшие лодки. Под ней карандашом криво написано: «Паша взрослый». Яна не стала это снимать. Бывают кадры, которые камера не заслужила.

— Печка там, — сказал Паша и показал на кухню.

У печки вода была мутнее. Толик осветил фонарём под табурет, потом за ведро, потом под шкаф.

— Нету твоего бородатого.

Паша побледнел.

— Он не мог уйти.

Яна опустилась на корточки и увидела, что дверца у нижнего шкафчика приоткрыта. Внутри лежали банки, тряпки, старая тёрка и маленькая деревянная фигурка, прижатая к стенке. Домовёнок был с кривой бородой, большими ушами и таким недовольным лицом, будто его вынудили участвовать в эвакуации против устава.

— Нашёлся, — сказала Яна. — Сидел в засаде.

Паша схватил фигурку, прижал к груди и впервые за утро улыбнулся.

— Он боялся воды.

— Ничего. Многие боятся. Просто не все признаются, особенно взрослые дяди в форме.

Толик фыркнул.

— Я всё слышу.

— Вот и хорошо. Может, запомните.

Когда они вышли, автобус сигналил. Пашина мать плакала и ругалась одновременно, что у женщин в эвакуации получалось особенно быстро. Паша залез внутрь, посадил домовёнка на колени и помахал Яне через стекло. Пусть хоть что-то останется так.

К дамбе её отправили через час. Официально — помочь с волонтёрами и снять укрепление для городского канала. Неофициально — потому что Яна умела пролезать туда, куда её не звали, и задавать вопросы так, будто случайно.

Дамба была похожа на мокрый муравейник. Люди таскали мешки, техника рычала, насосы гудели, военные ставили временные ограждения. Дроны висели над водой серебряными рыбами, иногда ныряли ниже и возвращались с грязными боками. На экране у мобильного штаба мигали карты, красные зоны, жёлтые стрелки и лица тех, кто давно хотел домой, но забыл, где это.

Яна сняла общий план, потом руки женщины-волонтёра, которая завязывала мешки быстрее любого автомата. Женщина заметила камеру.

— Только не снимай, как я матерюсь.

— Почему?

— Дети увидят.

— Дети сейчас таскают песок и спорят с полицией. Они уже многое видели.

— Тогда снимай. Может, хоть муж поймёт, как надо работать лопатой.

У края дамбы Яна увидела трещины. Сначала решила, что это размыв: грязь, глина, вода делает своё дело. Они шли короткими углами, ломались, собирались, как знаки. Яна приблизила камеру. Или на старую карту, если смотреть после бессонной ночи.

Она присела и сняла крупно.

— Камеру уберите, — сказал за спиной мужской голос.

Яна обернулась. Перед ней стоял Егор Слепцов. Она знала его по брифингам: инженер безопасности, человек с лицом

«у меня есть приказ, и он мне тоже не нравится». В таких людях раздражало то, что они редко повышали голос. Приходилось злиться самой за двоих.

— Я снимаю работу волонтеров.

— Волонтеры в другой стороне.

— Они везде. Это их суперспособность.

Егор протянул руку.

— Запись с трещинами удалите.

— Почему?

— Потому что это режимный объект.

— Трещина стала режимной после того, как я её сняла, или с рождения?

— Яна Руднева, верно?

Её это не порадовало.

— Ух ты. У вас тут карточки на всех с камерой?

— На тех, кто уже два раза пытался пройти через оцепление под видом доставки чая.

— Один раз это был кофе.

— Это не улучшает вашу биографию.

Он говорил ровно, без угрозы. Яна крепче сжала камеру.

— Скажите честно, — попросила Яна. — Дамба расходится?

— Нет.

— А трещины?

— Поверхностная деформация.

— Слова красивые. Им не холодно без смысла?

Егор посмотрел на воду за её спиной. Потом он стал инженером безопасности.

— Здесь нельзя снимать. Если запись попадёт в сеть, люди решат, что дамба рушится. Начнётся паника.

— А если она правда рушится?

— Тогда паника не поможет.

— Зато молчание, конечно, всех спасёт.

Он наклонился ближе, но голоса не повысил.

— Вы хотите быть полезной или правой?

Яна открыла рот и закрыла. Неприятный был вопрос. Из тех, которые хочется немедленно обозвать манипуляцией, потому что они попали в цель.

— Я хочу, чтобы люди знали, что происходит.

— Тогда снимайте эвакуацию, пункты помощи, маршруты. Снимайте то, что помогает им действовать. Эти трещины сейчас не информация, а спичка у бензина.

— А если кто-то прячет от людей правду?

— Тогда найдите доказательства. Не кусок глины, который завтра сто раз объяснят как фейк.

Егор протянул руку снова.

— Запись.

— Я могу скопировать её раньше, чем вы моргнёте.

— Знаю. Поэтому прошу, а не отбираю.

Это тоже было нечестно. Яна посмотрела на экран камеры. Маленькая подлость, профессиональная.

— Довольны?

— Нет, — сказал Егор. — Но меньше несчастен.

— У вас дар к оптимизму.

— Работа такая. Если слишком радоваться, люди пугаются.

С мобильного штаба донёлся резкий сигнал. Кто-то крикнул, что вода пошла вниз. Потом люди у края дамбы начали показывать руками. Не сильно, но заметно: мутная линия сползла с откоса на несколько ладоней. Насосы продолжали гудеть, дождь не прекращался, а Амур сделал шаг назад.

— Это нормально? — спросила Яна.

Егор смотрел в планшет.

— Нет.

— Спасибо. Коротко и честно.

Вода уходила две минуты. Потом ещё. Там, где только что бил поток, открылась полоска вязкого дна. Люди на дамбе замерли. Даже те, кто ничего не понимал в гидрологии, поняли: река не должна так вежливо отступить во время подъёма.

Яна включила камеру.

— Не снимайте, — автоматически сказал Егор, но уже без прежней уверенности.

— Вы сами сказали: нужны доказательства.

На открывшемся дне проступали линии. Не случайные борозды от воды, не следы техники. Как улицы на старой карте. Между ними темнели прямоугольники, похожие на фундаменты домов. Яна приблизила изображение. В одном

месте линия складывалась в знак, который напомнил ей трещины на дамбе.

— Здесь был посёлок? — спросила она.

Егор молчал.

— Егор.

— По официальной карте — нет.

— А по неофициальной?

Он не ответил. Этого хватило.

Вода начала возвращаться так же внезапно. Яна снимала, пока Егор не схватил её за локоть и не потащил выше.

— Назад! Быстро!

— Камера!

— Камера без вас справится хуже!

Волна ударила в откос. Не большая, но тяжёлая. Вода облизнула место, где они стояли минуту назад, и закрыла дно. Люди задвигались, закричали, насосы взвыли громче. Мир вернулся к обычной аварии, будто ничего не показывал.

Яна стояла рядом с Егором и пыталась отдышаться.

— Вы это видели?

— Нет.

— В смысле?

— В том смысле, что если меня сейчас спросят официально, я скажу: наблюдалось кратковременное понижение уровня из-за перераспределения потока.

— А если неофициально?

Егор посмотрел на неё. На лице у него была не служебная

злость, а человеческая просьба: не делай вид, что это интересный материал.

— Неофициально — сохраните копию так, чтобы её не нашли за пять минут.

Яна чуть не улыбнулась.

— То есть вы не совсем бетонный.

— Я железобетонный. Там внутри иногда арматура совети попадается.

Он ушёл к штабу, а Яна проверила запись. Несколько секунд — старые улицы под водой, прямоугольники домов, знак у края кадра. Потом волна закрывала всё.

Она хотела отправить файл себе в облако, но связь зависла. На экране появилась надпись: «Сеть перегружена». Яна выругалась так, что женщина с мешками одобрительно кивнула.

Тогда у мобильного штаба открылась боковая дверь, и наружу вышел Андрей Ковалёв. Яна узнала его сразу: тот самый гидролог из городских сообщений, человек, чей сценарий обсуждали волонтеры, чиновники и водители автобусов. Мокрый, злой, с лицом человека, который хочет одновременно спасти город и ударить принтер.

Рядом с ним шёл Баранов, начальник управления. Андрей слушал недолго. Потом взял планшет, увеличил карту и ткнул пальцем в низину за старым руслом.

Яна включила запись. Камера поймала экран через плечо Баранова. На карте было несколько названий: склады, доро-

га, садовые массивы и одно, на секунду высветившееся серым. Яна не успела прочитать полностью. Что-то вроде «Кедровый Затон» или «Кедровый Зат...».

Андрей быстро провёл пальцем по экрану. Название исчезло. На его месте появилась сухая служебная подпись: «зона низкой плотности». Баранов кивнул с облегчением, будто карта наконец стала приличной.

— Что он сделал? — тихо спросила Яна, хотя рядом никто не мог ответить.

На записи осталась эта секунда: серое название, палец Андрея, пустая формулировка вместо места. Возможно, ничего. Но Яна вспомнила Пашу с деревянным домовёнком и линейку на стене: «Паша взрослый». У каждого места есть кто-то, кто считал его домом, даже если карта решила говорить иначе.

Телефон наконец поймал сеть. Яна отправила файл на три адреса: себе, старому монтажёру в Хабаровске и в папку с названием «Коты_эвакуация», потому что никто в здравом уме не будет искать важное там, где обещаны коты. Потом подняла камеру и стала снимать Андрея дальше, уже не как городского спасителя, а как человека, чьи руки быстро убирали с карты чужое имя.

Глава 4. Клык на дне

Андрей не любил временно осушенные участки. Они всегда выглядели так, будто река ушла на пять минут и попросила ничего не трогать, а люди тут же пришли с дронами, лопатами и важными лицами. Вода отступила после ночного сброса, открыв низину у северного плеча. По карте там значились склады, старая дорога и служебная зона. По запаху — ил, гнилое дерево и всё, что город годами ронял в воду.

На краю промоины стояли прожекторы. Дроны-ныряльщики лежали у воды серебристыми рыбиными тушками. Один тихо пищал, словно жаловался в профсоюз.

— Он опять застрял? — спросил Андрей.

Оля у мобильного пульта не подняла головы.

— Нет. Обижается. У него в протоколе «возврат в док», а мы пятый раз отправляем его в грязь. Машина тоже хочет уважения.

— У нас нет уважения. Почему у дрона должно быть?

— Потому что он дороже нас.

Это был сильный аргумент. Андрей присел у экрана. Гидролокатор отмечал объект у края промоины. Продолговатый, чёрный, ровный для коряги и странный для трубы.

— Размер?

— Сорок два сантиметра. Плотность гуляет, — сказала Оля. — То металл, то кость, то прибор вообще просит не

мешать ему жить.

Егор Слепцов стоял рядом с планшетом. После истории с людьми на старой дороге он стал мрачнее. Женщину и двоих детей вывели вовремя, старое русло открыли, город пока удержали. Слово «пока» ходило за всеми, как мокрая собака.

— Может, пометим точку и вернёмся потом? — спросил Егор. — Когда вода спадёт без цирка.

— Потом мы будем писать отчёты и делать вид, что всё шло по плану. Сейчас у нас есть шанс понять, почему дрон на дне слышал гул.

Оля ткнула пальцем в экран.

— Захват пошёл.

Манипулятор сомкнулся на чёрном предмете. Ил поднялся густым облаком, картинка пропала, потом вернулась. У трубы не бывает такой поверхности — гладкой, но иссечённой мелкими знаками.

Дрон всплыл у кромки воды. Двое техников вытащили контейнер и поставили его на раскладной стол. Внутри лежала вещь, похожая на клык большого животного. Только животное, судя по размеру, должно было быть размером с автобус и иметь странные отношения с металлургией.

Предмет был чёрный. Материал не мог быть костью, металлом и камнем, поэтому он, конечно, выглядел так.

— Поздравляю, — сказала Оля. — Мы нашли зуб. Осталось найти хозяина и объяснить ему, что стоматолог сегодня не работает.

Техник поддел клык щупом. Щуп пискнул и выключился.
— Не трогать руками, — сказал Егор.

Андрей тянулся к перчаткам.

— Я вообще сегодня за ответственное обращение с непонятными зубами.

— Ты делаешь лицо «я всё же потрогаю».

— У меня лицо такое.

Оля включила портативный сканер. На экране побежали полосы, потом прибор выдал: «Ошибка классификации материала». После повторного сканирования добавил: «Рекомендуется обратиться к администратору».

— Даже сканер просит взрослого, — сказала Оля.

Андрей надел перчатку и взял клык за основание. Предмет оказался тяжелее, чем выглядел, и не был холодным. Всё вокруг промёрзло от воды и дождя, а клык лежал в ладони тёплый, как камень, который долго держали у тела.

— Температура?

— Плюс двадцать восемь, — сказала Оля. — Сам греется. Радиоактивность ноль, магнитное поле скачет, химия ругается и притворяется мёртвой.

Клык дрогнул в ладони. Андрей решил, что это рука устала. Потом вода в промоине рядом со столом стала неподвижной. Не тише, не медленнее — именно неподвижной. Даже кусок пенопласта остановился, будто его прибили.

— Оля.

— Вижу.

— Егор?

— Тоже вижу.

— Хорошо. Значит, это не только у меня в голове.

— Ты хотел, чтобы мы тебя успокоили?

Клык нагрелся сильнее. Андрей собирался положить его обратно, но пальцы не разжались сразу. Вода у стола поднялась на палец и опустилась.

— В бокс, — сказал Егор. — Изоляция. Без сети. Без красивых экспериментов.

— Согласен.

Оля подняла брови.

— Даже спорить не будешь?

— Я умный.

— Вот теперь тревожно.

На планшете Андрея вспыхнул входящий вызов: общий трансграничный канал. Имя — Ли Фэн.

— Это та климатолог? — спросила Оля. — Которая считает, что наши данные неполные?

— Все считают, что наши данные неполные. Она сказала это раньше остальных.

Андрей принял вызов. На экране появилось лицо Ли Фэн: мокрые волосы убраны назад, за спиной лаборатория, на столе рядом что-то зелёное, похожее на нефритовую пластину. Вид у неё был такой, будто она не спала, не ела и успела испортить кому-то карьеру одним письмом.

— Андрей Ковалёв? — спросила она по-русски.

— Да. Ли Фэн?

— Да. У вас нашли объект. Покажите.

— Быстро у вас новости ходят.

— У воды плохая дисциплина секретности.

— У наших служб тоже, но они хотя бы стараются.

Андрей повернул камеру к контейнеру. Ли приблизилась к экрану. В её лице мелькнуло узнавание — не восторг и не страх, а что-то хуже: будто она увидела знакомый почерк на чужом письме.

— Не передавайте это в обычную лабораторию.

— У нас все лаборатории мечтают стать необычными.

— Я серьёзно. Это не образец.

— А что?

— Печать.

Андрей посмотрел на клык, потом на экран.

— У нас затопление, дамбы, эвакуация, две страны нервничают, а вы говорите «печать». Уточните хотя бы: канцелярская или магическая? Мне важно правильно оформить.

Ли не улыбнулась.

— Древняя. Связанная с водой, границей и договором.

— Слово «древняя» обычно успокаивает начальство.

Особенно когда рядом сирена и мокрые люди.

— Ковалёв, вы уже видели, что вода реагирует.

— Вода реагирует на давление, ветер, сбросы, грунт и человеческую глупость.

— И на этот предмет.

— Допустим. Что вы предлагаете?

— Остановить работы на участке. Изолировать находку не только физически, но и от вашей системы.

Егор тихо сказал:

— С этим я согласен.

— Прекрасно, — сказал Андрей. — Международный союз против моего рабочего дня.

Ли продолжила:

— Если вы подключите его к «Русло-9», система попытается использовать его как инструмент.

— Система не «пытается». Она считает.

— Люди тоже так говорят, когда не хотят отвечать за последствия.

Фраза попала неприятно. Андрей не любил, когда незнакомые люди бьют в слабое место, особенно спокойным голосом.

— Ли Фэн, у меня город на воде. Дамбы держатся на песке и людях, которые двое суток не спали. Если найденный объект объясняет аномалию, я не положу его в шкатулку и не буду ждать, пока легенды соберут совещание.

— Я прошу не знакомить неизвестный объект с системой, которая меняет русло.

— «Русло-9» не меняет русло. Оно предлагает сценарии.

— Ваш сценарий уже отправил воду в старое русло.

— Потому что иначе город получил бы волну в лицо.

— А кто получил её вместо города?

Рядом стало тихо. Даже Оля перестала стучать по пульту. Андрей почувствовал злость. Злость была удобной: с ней проще не слышать второй смысл.

— Перед сбросом мы вывели людей.

— Всех?

— Всех, кого нашли.

— Это не одно и то же.

Он смотрел на экран. Ли не отводила глаз. В ней не было плакатного обвинения, от которого легко отмахнуться. Она говорила как учёный, который видит погрешность и не даёт закрыть таблицу.

— По вашей логике, — сказал Андрей, — мы должны остановить всё, пока не будем знать абсолютно все риски.

— Нет. По моей логике, если предмет заставляет воду замирать, не надо первым делом давать ему доступ к главному алгоритму.

— Слишком поздно.

Андрей повернулся. На пульте вспыхнула схема «Русла-9». Но на экране появилась строка: «Новый объект обнаружен. Сопоставление с архивом: 1689 / водяной знак / девятая линия».

Егор выругался коротко.

— Он не подключён.

— Физически нет, по сети нет, внешний обмен закрыт, — сказала Оля. — Но система его видит. Через мои нервы, видимо.

Ли на экране побледнела.

— Уберите его от терминалов.

Андрей схватил контейнер. Клык ударился о стекло, и по нему пробежала зелёная искра. Полоса воды вдоль промоины стала гладкой. Техники попятились.

— В бокс! — крикнул Егор. — Без сети и без питания!

Полевой бокс стоял на платформе и выглядел как холодильник, который закончил военную академию. Андрей нёс контейнер сам, хотя Егор пытался забрать.

— Отдай.

— Не сейчас.

— Ты понимаешь, почему не отдаёшь?

Андрей хотел ответить, что понимает. Не ответил. Контейнер был тяжёлый, руки устали, клык грелся через стекло, но отпускать его не хотелось. Это было глупо, а глупость у Андрея маскировалась под решение.

Внутри модуля Оля включила изолированный стол. Егор выдернул сетевой блок.

— Всё, — сказал он. — Теперь это дорогой ящик.

— Дорогие ящики тоже портят жизнь, — сказала Оля. — Я видела ипотеку.

Андрей поставил контейнер на стол. Клык лежал спокойно. Слишком спокойно для вещи, которая только что устроила маленький цирк с водой и сетью.

Ли осталась на связи. Она показала свою нефритовую пластину. На ней были восемь драконов вокруг пустого места.

— У вас есть что-то похожее?

— Семейная вещь. И архивная проблема.

— Удобная формулировка.

— Моя бабушка сказала бы хуже.

— Бабушки обычно точнее научных советов.

Ли впервые улыбнулась.

— Тогда послушайте чужую бабушку через меня. Не считайте это инструментом.

— А если это инструмент?

— Тогда вопрос: чей?

Андрей посмотрел на клык. По его поверхности прошла слабая линия, похожая на изгиб старого русла. Потом исчезла.

— У меня есть двадцать минут до следующего решения по дамбе, — сказал он. — За двадцать минут я не начну верить в драконов, печати и договоры. Но могу не подключать эту штуку к основной системе.

— Это уже прогресс.

— Не радуйтесь. Я делаю это не из-за мистики.

— Конечно. Вы рациональный человек, которому предмет только что показал фокус с водой.

— Рациональные люди фокусы проверяют, а не молятся на них.

— Проверяйте. Только не в одиночку.

Оля запустила локальный анализ.

— Если он попытается написать мне стихи, я уйду в бух-

галтерию.

— В бухгалтерии хуже.

— Зато там артефакты только в авансовых отчётах.

Сканирование показало внутри клыка полость. В полости лежал маленький объект, похожий на каплю или семя.

— Это уже не клык, — сказала Оля. — Это матрёшка.

Проблема внутри проблемы, а у тебя обед три часа назад.

Ли приблизилась к камере.

— Не вскрывайте.

— Мы и не собирались.

Егор посмотрел на него.

— Правда?

— Сегодня все почему-то сомневаются в моей осторожности.

— Потому что мы тебя знаем.

Снаружи завывла короткая сирена. Рация ожила: северо-восточное плечо дало просадку, фильтрация растёт, Баранов требует решения. Андрей закрыл глаза на секунду. Конечно. Река не собиралась ждать, пока люди обсудят найденный зуб.

— Егор, остаёшься с объектом. Оля, продолжай локально. Никакой сети. Ли Фэн, если можете, оставайтесь на канале.

— Могу.

— И без «я предупреждала».

— Пока не заслужили.

Он шёл к выходу, когда клык резко ударил по стеклу кон-

тейнера. Звук был короткий, костяной. На изолированном экране сама собой появилась строка: «Согласование носителя продолжается».

— Оля, ты это напечатала?

— Я сейчас даже дышать стараюсь без лишних команд.

Ли сказала:

— Отойдите от него.

Андрей не отошёл. Клык лежал под стеклом, и на его поверхности проступали мелкие знаки. Один изгиб показался знакомым. Он видел его на карте. Или в воде у берега.

— Андрей.

— Я только посмотрю.

— Вот именно эту фразу я ненавижу.

Стекло запотело изнутри. Они сложились в детский рисунок: дом, вода, маленькая фигурка в красном дождевике. Дождевик потемнел, стал чёрным, и Андрей отступил так резко, что ударился спиной о стол.

— Что там?

— Ничего.

Голос прозвучал плохо. Даже он сам услышал.

Рация требовала его в штабе. Андрей заставил себя выйти под дождь, быстро раздал указания по дамбе: мешки на просадку, насосы выше по откосу, дроны на тепловизор, связь с китайской стороной не закрывать. Работа помогала. В работе всё было проще: если течёт — затыкай, если растёт — считай, если начальство мешает — говори громче.

Через двадцать минут он вернулся в модуль. По лицам Егора, Оли и Ли понял: лучше не стало.

Оля повернула экран. Объект внутри клыка больше не был каплей. Контур совпадал со схемой девяти линий «Русла-9».

— Он не подключён к системе, — сказал Егор. — Но знает её структуру.

— Или система построена по его структуре, — тихо сказала Ли.

— Это невозможно.

— Сегодня это слово устало.

Клык потемнел. Из изолированного пульта пошёл шум воды. Оля отдернула руки, хотя ничего не касалась.

— У пульта нет аудиовыхода, — сказала она. — Просто чтобы всем было веселее.

Шум стал громче. В нём появился голос. Сначала неразборчивый, как старая запись, испорченная водой. Потом ясный. Девчачий. Знакомый настолько, что у Андрея перехватило дыхание.

— Наконец-то ты вернулся, — сказала Надя.

За стенкой модуля гудела техника, дождь бил по крыше, Амур поднимался к городу, а Андрей смотрел на чёрный клык в контейнере и впервые за много лет не мог заставить себя назвать услышанное сбоем.

Глава 5. Лян Чжунъяо открывает шлюзы

Подземный диспетчерский зал гидроузла «Северная дуга» построили люди, которые не любили окна. Лян Чжунъяо их понимал. Окна показывали реку, небо и чужие лица, а здесь всё было честнее: экраны, кабели, аварийные лампы, мокрые следы на полу и люди, которые не улыбались без причины.

В центре зала висела объёмная модель Амура. Река светилась синей линией, притоки — зелёными, шлюзы — красными квадратами. Над моделью плавали дроны-рыбы: серебряные, узкие, с гибкими хвостами. Красиво, если забыть, что каждый такой карп стоил как дом в деревне, которую потом называли «зоной низкой плотности».

— Третий рой готов, — сказала Чэнь Мэй.

Она стояла у пульта в тёмном дождевике, хотя в зале было сухо. Мэй всегда одевалась так, будто через пять минут придётся бежать под ливень или от полиции. Обычно она оказывалась права хотя бы наполовину.

— Рабочие?

— Выведены из нижнего тоннеля. Официально — проверка гермодатчиков.

— Дети?

— Школьный автобус ушёл десять минут назад. Мы подменили маршрут предупреждением о просадке дороги.

— Учительница поверила?

— Нет. Но водитель поверил навигатору. Современная цивилизация держится не на доверии к людям, а на синей стрелке.

На главном экране мигал закрытый запуск русско-китайского контура «Русло-9 / Хэйлун». Через сорок минут системы должны были синхронизировать аварийное управление на обоих берегах. Лян не любил это слово. Сначала людей называют риском, потом риск — графиком, график — успехом. В конце никто не виноват, потому что все были заняты безопасностью.

— Федеральный канал просит подтверждение готовности.

— Подтверди.

— Мы же не готовы.

— Они тоже. Это никого не остановило.

Мэй отправила ответ. На экране появился зелёный статус: «Готовность узла: 97 %».

— Семь процентов, видимо, совесть.

— Не льсти системе. Совесть туда не устанавливали.

На российской стороне жёлтым мигал Благовещенский узел. Там открывали старое русло. Ковалёв действовал быстро, грамотно, красиво. Лян ненавидел такие решения сильнее глупых. Глупость видно издали, а компетентность умеет приносить вред в белых перчатках.

— Он нашёл клык.

— Подтверждено?

— Не полностью. Но российский мобильный узел ушёл в локальный режим, потом вспыхнул архивный маркер «1689». Если это не клык, то у них интересный способ прятать чайник.

— Ли Фэн на связи с ними?

— Да.

— Хорошо.

— Хорошо? Она будет мешать.

— Она будет задавать правильные вопросы. Это уже больше, чем делает большинство людей с доступом к шлюзам.

На нижнем уровне сработал датчик движения. Камера показала последнюю группу техников: трое мужчин в касках, женщина с инструментальным ящиком, охранник и мальчик лет восьми в жёлтом дождевике. Мальчик держал планшет и считал, что попал на лучшую экскурсию в жизни.

— Почему ребёнок ещё здесь?

Мэй побледнела от злости не на него, а на список, который подвёл.

— Сын старшего механика. Его записали в гостевой журнал как «оборудование сопровождения».

— Кто записал?

— Сам механик. Сократил строку. Творческий отец.

— Вывести.

— Если остановим сейчас, нас заметят.

— Мэй.

Она набирала команду.

— Знаю. Живые сначала, революции потом. Вы повторяете это так часто, что можно печатать на кружках.

— Напечатай. Будем продавать после тюрьмы.

Внизу загорелся сигнал ложной тревоги: «утечка хлад-агента». Экскурсию прервали. Группа пошла к аварийному выходу.

Лян дождался, пока датчики покажут пустой тоннель, и положил ладонь на панель допуска.

— Начинаем.

Мэй не спросила, уверен ли он. Хорошая помощница знает: если человек дошёл до кнопки, вопрос «ты уверен?» уже не спасает мир. Он раздражает кнопку.

На экране открылось меню аварийного шлюза. Протокол требовал три подписи, два внешних подтверждения и одну фразу, которую придумал юрист с тяжёлым детством: «Осознаю последствия гидродинамического вмешательства». Лян осознавал. Юрист был бы доволен, если бы не умер от ужаса.

— Ключ?

Она передала маленький чёрный модуль. Внутри был не вирус. Лян не любил это слово. Вирусы портят всё подряд, как пьяные гости. Его программа была точнее: она открывала то, что люди закрыли, и показывала системе данные, которые она сама научилась не видеть.

— Первый контур, — сказала Мэй.

Лян вставил модуль.

— Открыть аварийный шлюз на семь процентов.

— Семь? Этого мало для срыва запуска.

— Этого достаточно, чтобы они испугались и начали смотреть руками, а не презентациями.

Мэй ввела команду. Пол дрогнул. На модели Амура красный квадрат медленно раскрылся. Синяя линия у шлюза изменила форму.

Вода пошла.

Сначала всё выглядело скучно. На графике вырос расход, давление в тоннеле поднялось, аварийные насосы проснулись и начали ругаться техническими сигналами. Потом первый дрон-рыба нырнул в поток и передал картинку: мутная вода, бетонные стенки, сорванная ржавчина, длинная тень у дальнего затвора.

— Что это?

— Река.

— Я знаю, как выглядит река.

— Нет. Ты знаешь, как выглядит вода в трубе.

Тень исчезла. Дрон развернулся против течения. Его серебряный хвост дрожал, и на миг он стал похож на живую рыбу, которая поняла, что плывёт не туда.

— Потеря связи со вторым роем, — сказала Мэй. — Третий держится. Давление растёт быстрее расчёта.

— Закрытые створки ниже?

— Закрты. Но там ручной пост.

— Люди?

— По списку — нет.

— По камерам?

Мэй вывела изображение. Нижний пост был пустой. На стуле лежала куртка, рядом термос. Лян не любил пустые стулья с куртками. Они часто означали человека, который вышел «на минуту» и попал в историю.

— Тепловизор.

Тепловизор показал слабое пятно у лестницы.

— Один человек, — сказала Мэй. — Сидит или лежит.

Лян убрал руку с панели.

— Сигнал тревоги туда.

— Он может не услышать.

— Тогда дрон.

— Дрон не вытащит взрослого человека.

— Не надо вытаскивать. Надо напугать.

Мэй отправила ближайшего дрона в нижний пост. Серебряная рыба вылетела из технического канала, ударилась о перила, поднялась и завывала сиреной так мерзко, что Лян поморщился. Через несколько секунд мужчина в форме охраны выскочил к лестнице.

— Живой.

— И сердитый. Сердитые бегают быстрее.

Охранник скрылся за гермодверью. Мэй отметила пост пустым.

— Теперь можно?

— Теперь можно.

Лян положил ладонь на панель.

— Открыть на двенадцать процентов.

Пол дрогнул сильнее. В зале погас свет, включились аварийные красные лампы. Диспетчерский центр стал похож на подводную лодку из старого фильма, где все обречены, но делают вид, что у них есть план.

— Центральный комитет запрашивает причину сбоя.

— Напиши: «локальная гидравлическая нестабильность».

— Это ничего не значит.

— Поэтому им понравится.

На экране появились новости: «На гидроузле выявлен внеплановый режим работы», «угрозы населению нет», «специалисты контролируют ситуацию». Лян улыбнулся. Специалисты всегда контролируют ситуацию до того момента, когда ситуация начинает контролировать специалистов.

— Вы правда думаете, что это сорвёт запуск?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы Ковалёв увидел вторую половину карты.

— Он не захочет.

— Никто не хочет. Память редко спрашивает разрешения.

Мэй отошла от пульта.

— Вы хотите разбудить его или наказать?

— А есть разница?

— Есть. Если хотите разбудить, мы выводим людей и показываем документы. Если хотите наказать, открываем шлюзы шире и называем это справедливостью.

Лян посмотрел на модель Амура. У шлюза красный квадрат пульсировал, как больное сердце.

— Моя мать говорила, что вода не мстит. Она возвращает.

— Очень красивая фраза.

— Да. Поэтому я ей не доверяю.

— А чему доверяете?

— Списакам.

Он открыл боковую панель. За ней висели имена: русские, китайские, нанайские, смешанные. Рядом — даты, координаты, старые названия деревень, новые служебные обозначения. На некоторых листах чернила расплылись, потому что бумагу приносили из воды.

Мэй смотрела на стену не впервые, но каждый раз притихала.

— Списки тоже врут.

— Да. Но они хотя бы оставляют место для исправления.

Лян провёл пальцем по одному листу. «Кедровый Затон». Ниже — «зона низкой плотности, участок С-17». Ещё ниже — двенадцать фамилий, семь без подтверждённых свидетельств, трое детей, старик, женщина с двойным гражданством, которую обе стороны забыли особенно аккуратно.

— Сегодня Ковалёв стёр это название на карте.

— Вы уверены?

— Камера волонтерки сняла. Файл уже гуляет по закрытым каналам. Девушка умная: спрятала запись в папку с кодами. Почти искусство.

— Может, он не знал.

— Может. Поэтому он должен вспомнить.

В зале сработала новая тревога. Автоматика пыталась компенсировать открытый шлюз и переводила нагрузку на соседний контур. Русский берег получил скачок, китайский — обратную волну. Лян следил за линиями спокойно, но пальцы сжались.

— Если держать двенадцать процентов ещё четыре минуты, — сказала Мэй, — запуск закроют. Но на нижнем посёлке поднимет воду.

— Население?

— Официально эвакуировано.

Лян посмотрел на неё. Она раздражённо выдохнула и открыла тепловую карту.

— Неофициально два, нет, три источника в верхней части. Возможно, скот. Возможно, люди.

— Предупреждение.

— Если дадим предупреждение, нас вычислят.

— Мэй.

— Знаю. Кружки, живые сначала.

Она включила аварийные сообщения для нижнего посёлка. Система потребовала авторизацию муниципальной службы. Мэй обошла её так быстро, что даже не успела насла-

диться нарушением закона.

— Текст?

— Простой. «Немедленно покиньте нижнюю улицу. Вода придёт через десять минут. Берите людей, документы, лекарства. И животных, если успеете».

Сообщение ушло. Из одного дома выбежал мужчина в майке, потом вернулся и вышел с ребёнком на руках. Из сарая вывели козу. Коза упиралась с таким достоинством, будто её эвакуировали против политических убеждений.

— Вот ради этого мы и проигрываем революции, — сказала Мэй. — Из-за коз.

— Если революция не может подождать козу, ей лучше не начинаться.

Давление достигло красной зоны. Лян ввёл команду.

— Зафиксировать шлюз. Подготовить закрытие через сто двадцать секунд.

Мэй резко повернулась.

— Мы же хотели сорвать запуск.

— Уже сорвали. Им хватит хаоса, чтобы перенести синхронизацию. Дальше начнут гибнуть лишние.

— Лишние для кого?

— Для всех, кто любит красивые цели.

На экране появился запрос от неизвестного узла. Российская сторона. Через несколько секунд система распознала цепочку: Благовещенский мобильный штаб, инженерный контур, временный доступ Ковалёв-А.

— Он смотрит, — сказала Мэй.

Лян подошёл ближе. Ковалёв пытался понять, почему китайский шлюз открылся не по аварийному сценарию и почему предупреждения нижнему посёлку ушли до официальной тревоги. Хорошо. Значит, он заметил не воду, но и людей.

— Передать пакет?

— Нет. Пока только метку.

Лян набрал название: «Кедровый Затон». Добавил координаты, старую карту и обрезанный край снимка: деревянный дом, вода по щиколотку, мальчик с красным ведром, женщина в светлой куртке. Чужую память нельзя впихнуть силой. Её можно оставить на пороге, чтобы человек споткнулся.

— Он был там? — спросила Мэй, увидев фотографию целиком.

— Да.

— Помнит?

Лян отправил фрагмент.

— Пока нет. Но клык уже у него. Долго не продержится.

Аварийный шлюз начал закрываться. Давление пошло вниз. В новостной ленте появилась строка: «Специалисты стабилизировали работу гидроузла». Мэй прочитала и рассмеялась.

— Мы чуть не утопили их контур, они пишут «специалисты стабилизировали». Может, нам присвоят премию?

— Только посмертно и при условии, что нас не поймают

живыми.

Она проверила камеры. Рабочие были снаружи. Школьный автобус ушёл далеко от низины. Нижний посёлок двигался: люди выводили детей, тащили сумки, спорили с козой. Вода приближалась к первой улице, но у них было время.

— Запуск перенесён минимум на сутки, — сказала Мэй.
— Общий контур ушёл в ручную проверку. Нас ищут.

— Пусть ищут.

— Они найдут.

— Конечно. Иначе было бы скучно.

Мэй выключила часть экранов, оставив модель реки и стену имён. В красном аварийном свете лица на фотографиях казались живыми и сердитыми. Лян это одобрял. Мёртвых часто пытаются сделать тихими. Это удобная ложь для тех, кто остался у микрофона.

Он подошёл к стене и снял магнит с листа «Кедровый Затон». Под ним был второй лист: «объект исключён из публичного кадастра». Внизу стояла подпись: Ковалёв А. С. Согласование паводкового перераспределения, архивный контур «Русло-9».

— Вы покажете ему всё?

— Да.

— А если он не выдержит?

— Тогда он опаснее, чем я думал.

— А если выдержит?

Лян вернул магнит на место.

— Тогда система потеряет своего любимого спасителя.

Он выключил стену. Имена несколько секунд светились в темноте остаточным белым следом. Внизу шлюз окончательно закрылся. Вода ушла в расчётный режим, новости успокоились, чиновники начали писать слова, от которых никому не станет легче.

— Что дальше? — спросила Мэй.

Лян посмотрел на белую линию российского узла. Там, на другом берегу, Ковалёв получил первую метку. Этого было мало. Память редко просыпалась от одного стука.

— Дальше он начнёт искать, почему название исчезло, — сказал Лян. — Потом спросит себя, почему рука дрогнула именно на нём.

— Вы слишком верите в совесть.

— Нет. Я верю в сбой. Совесть часто начинается как ошибка в системе.

Мэй остановилась у выхода.

— Последняя фраза для Ковалёва?

Лян посмотрел на реку в воздухе. Синяя линия стала ровной, будто ничего не случилось. Река умела притворяться спокойной не хуже чиновников.

— Передай: Ковалёв должен вспомнить. Иначе мы утопим не воду, а ложь.

Глава 6. Белый шум домовых

В эвакуопункте пахло мокрой шерстью, гречкой, хлоркой и человеческим терпением. Терпение кончалось быстрее гречки, но его почему-то никто не подвозил гуманитарной партией. Мара Ульчигэй сидела у стены школьного спортзала, чинила ремешок на старом бубне и слушала печи.

Печей в спортзале, конечно, не было. Были тепловые пушки, батареи, электрические сушилки, два чайника с характером и один удлинитель, на котором висела записка: «НЕ ТРОГАТЬ, УБЬЁТ». Но Мара всё же слышала печи. Они трещали из углов, из мокрых курток, из сложенных матрасов, из детских рюкзаков. Треск был ровный, частый, одинаковый.

Домовые говорили в один голос.

Это было плохо. Обычно домовые ругались каждый по-своему. Один стучал по половицам, другой прятал ложки, третий любил падать ночью кастрюлей, потому что характер достался от хозяев. Когда они начинали говорить вместе, земля готовила неприятность и надеялась, что люди наконец перестанут смотреть в телефоны.

— Опять слышишь? — спросила тётя Зоя, санитарка в синем халате.

— Слышу.

— Печей тут нет.

— Домов тоже нет, а люди всё же спорят, кто на чьём мат-

расе лежит.

Тётя Зоя посмотрела на спортзал. На матах спали дети, старики, кошки, одна такса в розовом свитере и мужчина, который всю ночь обещал не храпеть, но не имел власти над своим организмом. Волонтёры разносили чай. Где-то плакал ребёнок, где-то женщина тихо считала лекарства в пакетике.

— Что говорят? — спросила Зоя.

Мара приложила ладонь к полу. Школьный линолеум был холодный, вздутый у швов, под ним шла вода. Река давила снизу, как обиженный сосед, которого затопили, а делают вид, что это атмосферное явление.

— Уходить надо будет, — сказала Мара. — Не всем сразу. Но скоро.

Зоя тяжело вздохнула.

— Начальству скажешь?

— Уже сказала утром.

— И что?

— Сказали: «Не нагнетайте».

— Люблю это слово. Когда вода идёт по лестнице, главное — не нагнетать. А то вдруг вода обидится.

Мара улыбнулась. Зоя умела говорить точно. Такие люди часто понимали духов лучше тех, кто специально учился «традиционным практикам» на семинарах с сертификатом и обедом.

В дальнем углу что-то щёлкнуло. Потом раз. Потом все тепловые пушки на секунду замолчали и включились. Дети

подняли головы. Пожилая женщина перекрестилась. Мужчина, который храпел, перестал храпеть и сказал во сне: «Я ничего не подписывал».

Мара встала.

У входа появился чиновник из оперативного штаба. Молодой, гладкий, в чистой куртке с эмблемой администрации. На бейдже значилось: «Коробейников И. А.». Лицо у него было такое, какое бывает у людей, вынужденных работать с населением без предварительной фильтрации населения.

— Мара Николаевна?

— Если жалоба на чай, то я не отвечаю за чай. Он сам по себе.

— Мне сообщили, что вы распространяете среди эвакуированных тревожные слухи.

— Я сказала, что воду надо слушать.

— Вот именно. У нас есть официальные каналы информирования.

— У воды тоже есть каналы. Правда, она их сама роет.

Коробейников моргнул. Ему хотелось записать фразу, но он не знал, в какую графу.

— Понимаете, сейчас людям нужна стабильность.

— Людям нужны сухие носки, горячая еда и чтобы им не ввали. Стабильность они как-нибудь потом посмотрят по телевизору.

— Вы не должны пугать людей сказками.

Мара оглянулась на зал. У ближайшего мата трое детей

сидели вокруг девочки лет шести. Рядом с ними лежал старый деревянный домовёнок — тот самый, которого вчера принёс мальчик Паша. Дети поставили его на перевёрнутую коробку из-под печенья и укрыли тряпкой, как одеялом.

— Видите их?

— Детей? Вижу.

— Их вчера вывезли из домов. Сегодня они не знают, куда проснутся завтра. Им сказка не мешает. Она держит. Домовёнок на коробке сейчас работает лучше вашего громкоговорителя.

— Это недоказуемо.

— Попробуйте доказуемо уложить спать ребёнка, который боится, что дом утонул.

Коробейников посмотрел на детей. Один мальчик шёпотом объяснял девочке, что домовые умеют плавать, только не любят, потому что борода потом пахнет тиной. Девочка впервые за час улыбнулась.

Чиновник потёр переносицу.

— Я не против культурной поддержки. Но нельзя говорить, что духи предупреждают о повторной эвакуации.

— А если предупреждают?

— Тогда сообщите это в штаб в форме наблюдения.

— Хорошо. Наблюдение: домовые трещат в унисон, пол под спортзалом мокнет снизу, собаки смотрят на северную стену, а в чайнике три раза закипала вода без электричества.

Коробейников устал глазами.

— Можно без домовых?

— Тогда будет неполный отчёт.

Тётя Зоя, проходя мимо с термосом, вмешалась:

— Игорь Анатольевич, вы лучше скажите, автобусы нам дадут или будем эвакуироваться на ваших формулировках?

Коробейников выпрямился.

— Транспорт будет по распоряжению штаба.

— Когда?

— После уточнения уровня риска.

— Вот и уточняйте быстрее. А то у нас тут риск уже тапочки мочит.

Мара услышала треск. На этот раз громче. Деревянный домовёнок на коробке повернулся. Совсем чуть-чуть. Может, коробка просела. Может, кто-то толкнул. А может, маленький резной хозяин решил, что взрослые долго делают вид, будто всё под контролем.

Дети замолчали.

— Он посмотрел, — прошептала девочка.

Коробейников тоже это увидел. И пожалел. По лицу было ясно: в его должностной инструкции не было пункта «если деревянная игрушка повернула голову».

— Сквозняк.

— Конечно, — сказала Мара. — Сквозняк с бородой.

Тогда телефон Коробейникова завибрировал. Он прочитал сообщение и стал бледнее.

— Северная стена спортзала подмокает, — сказал он уже

без служебной уверенности. — Штаб рекомендует подготовить людей к перемещению.

— Домовые рекомендуют уже полчаса. У них нет печати.

Дальше спорить стало некогда. Мара помогала поднимать людей, тётя Зоя собирала лекарства, волонтеры сворачивали матрасы. Дети сами взяли коробку с домовёнком. Паша держал её двумя руками и смотрел на Мару так серьёзно, будто она была начальником всех невидимых служб.

— Он с нами? — спросил мальчик.

— С вами. Только скажи ему спасибо. Домовые любят спасибо больше конфет.

— А конфеты?

— Конфеты они тоже уважают. Они не святые.

Пока людей переводили в соседний корпус, Мара вышла во двор. Дождь стал мелким, злым, ледяным. За школьным забором вода блестела в канавах. Человек быстро привыкает даже к концу света, если тот приходит по расписанию и через громкоговоритель.

У калитки её ждала кикимора.

Не вся, конечно. Полностью кикиморы редко показывались людям: слишком много потом объяснять. На краю лужи лежал ком мокрых водорослей, из него торчали две худые руки и нос, похожий на корень. Вид у существа был такой, будто его вытащили из болота без предупреждения и ещё не предложили чаю.

— Опять вы, — сказала Мара.

Кикимора чавкнула.

— Не «вы», а «ты». Мы с тобой не в администрации.

— Что случилось?

— Железные мальки умерли.

— Датчики?

— Мальки, — упрямо сказала кикимора. — Пищали, пищали, потом поперхнулись. Теперь болото слушает железо, а железо молчит. Нехорошо.

Мара посмотрела на школьный корпус. Людей выводили, но без паники. Коробейников даже сам тащил чей-то пакет с банками, хотя держал его так, будто пакет мог подать жалобу.

— Где? — спросила Мара.

Кикимора показала рукой в сторону старой заболоченной протоки за гаражами.

— Там, где люди воткнули палки с глазами. Они думали, болото не заметит. Болото заметило. Болото вообще не дура, у него лицо такое.

— У тебя тоже.

— А у тебя сапоги текут.

— Это не аргумент.

— Это правда. Правда всегда аргумент, даже если мокрая.

Мара вернулась к Зое, сказала, что отойдёт к протоке, и получила такой взгляд, каким женщины в эвакуопунктах останавливают и паводки, и глупых родственников.

— Одна?

— С кикиморой.

— Лучше бы одна.

— Она знает дорогу.

— Она знает дорогу в болото.

— Именно туда мне и надо.

Зоя сунула ей фонарь и пакет с сухарями.

— Если тебя съедят, я скажу, что предупреждала.

— Кикиморы не едят людей.

— А чиновники не пьют чай из чужих кружек. Жизнь полна разочарований.

Протока начиналась за гаражами, где вода подняла старые шины и пустые канистры. Мара пробиралась за ней, стараясь не провалиться. Здесь слышались дождь, лягушки, далёкие сирены и странный белый шорох — не ветер, не вода, а тот самый цифровой шум, который последние дни мешал духам говорить.

У мёртвых датчиков было неприятное место. Их поставили вдоль кромки болота: серые стойки с камерами, сенсорами и маленькими антеннами. Должны были измерять уровень воды и движение грунта. Теперь стойки стояли наклонно, как пьяные часовые. Провода висели в воде, экраны погасли, корпуса облепили водоросли. Водоросли свисали пучками, и датчики казались головами утопленников с зелёными волосами.

— Красиво сделали, — сказала кикимора. — Дорого. Бесплезно. Люди любят три в одном.

Мара присела у ближайшего датчика. Запах был другой

— сухой, горький, как после старой молнии.

— Это не вода.

— Конечно не вода. Вода у нас умная. Она сначала спрашивает болото, кого ломать.

— А это кто?

Кикимора ткнула пальцем в антенну.

— Белый шум. Железная песня. Она лезет в корни, в норы, в печные углы. Домовые от неё чихают, водяной ругается, леший третий день разговаривает с сосной и не замечает, что это вышка связи.

Мара закрыла глаза. Под белым шумом действительно шло что-то чужое: ровная, мягкая вибрация, похожая на голос, который постоянно говорит «тише, тише, всё хорошо». Она слышала этот тон от городских уведомлений: «ситуация находится под контролем», «уровень тревожности не должен превышать», «следуйте рекомендациям». Людей этим успокаивали. Духов — глушили.

— «Русло-9», — сказала она.

Кикимора сплюнула болотной водой.

— Не называй при мне. У него имя как у трубы.

Мара достала из сумки старую костяную иглу, которую носила не для красоты. Её бабушка говорила: хорошая вещь должна уметь хотя бы три дела. Мара провела кончиком по мокрой земле возле датчика.

Ил дрогнул. Под водой проступила линия, потом одна. Круг. Второй. Третий. Девятый отличался. Он был не кру-

гом, а пустым впечатком ладони. Человеческой ладони.

Мара отдёрнула руку.

— Это кто сделал?

Кикимора впервые перестала язвить.

— Не мы.

— Давно?

— Вода говорит — давно. Железо говорит — сейчас. Я таким разговорам не доверяю. Когда двое врут в разное время, правды обычно больше, чем надо.

Мара достала телефон, чтобы снять знак. Экран мигнул и выдал: «Нет сети». Она усмехнулась. Конечно. Когда надо получить рекламное уведомление про скидку на обувь, сеть найдёт человека даже в тайге. Когда под ногами девять кругов и пустая ладонь — тишина.

— Видишь? — спросила кикимора.

— Вижу.

— Девятый пустой.

— Нет, — сказала Мара. — Он не пустой. Он ждёт руку.

Болото вокруг них стало тихим. Даже лягушки замолчали. Мара почувствовала, как холод поднимается от земли к коленям. Не обычный холод воды, а чужое внимание. Словно кто-то большой лежал под протокой и наконец повернул голову.

Из глубины булькнуло. Вода у кромки почернела. Водяной выглядел недовольным, больным и занятым.

— Поздно пришла, песенная, — сказал он.

Голос у него был не громкий, но Мара услышала его всем телом. Кикимора спряталась за датчик и притворилась водорослью с плохим характером.

— Раньше звали?

— Звали печами, корнями, рыбьими костями. Вы слушали телефоны.

— Несправедливо. У телефонов громче звук.

Водяной хмыкнул, и по воде пошли круги.

— Железная сеть глушит малые дома. Домовые слепнут. Болотные путают тропы. Лесные говорят чужими словами. Река просыпается, а люди укрывают её одеялом из цифр.

— Кто поставил знак?

Водяной медленно повернул голову к девяти кругам.

— Не кто. Что. Память ищет дверь.

— Дверь в кого?

Он поднял мокрую руку. Мара взяла ржавую табличку через платок. Может быть, номер дома. Может быть, кусок названия, которое кто-то стёр с карты.

— Мне нужны слова яснее, — сказала она. — С загадками идите к чиновникам, они их в протоколы любят.

Водяной наклонился ближе. От него пахло илом, рыбой и старой железной бочкой.

— Человек ходит как ключ. Думает, что считает воду. А вода считает его шаги.

— Имя.

Кикимора тихо зашипела:

— Не проси имя у глубокого.

— Имя, — повторила Мара.

Водяной улыбнулся. Не зло. Скорее устало, как взрослый, который видит ребёнка с ножницами возле проводов.

— Андрей.

Имя легло на болото тяжело. Не как имя человека, а как название прорыва, как отметка на карте, после которой дорогу закрывают.

— Ковалёв? — спросила Мара.

Водяной не ответил. Он уходил вниз. На поверхности остались круги, и один из них стал похож на отпечаток человеческой ладони.

Мара стояла под дождём, держа ржавую табличку. Белый шум стал тише, но не исчез. Где-то в городе работало «Русло-9», люди слушали его подкаски, чиновники писали успокаивающие слова, дети переносили домового в новый корпус, а под болотом старые голоса пытались не захлебнуться в чужой тишине.

Кикимора выбралась из-за датчика и отряхнула водоросли.

— Ну что, песенная? Пойдёшь пугать людей сказками?

Мара убрала табличку в сумку.

— Нет. Пойду писать наблюдение.

— Про домовых, водяного и ключа-человека?

— Про нарушение связи между местной памятью и цифровой системой предупреждения.

Кикимора восхищённо присвистнула.

— Вот теперь тебя точно испугаются.

Мара пошла назад к эвакуопункту. За спиной мёртвые датчики стояли в болоте с зелёными волосами, а девять кругов медленно закрывала вода. Пустая ладонь исчезла последней, и Мара знала: имя Андрея придётся произнести вслух раньше, чем город будет готов его услышать.

Глава 7. Договор без подписи

Временный мост через Амур выглядел так, будто его собрали из металла, спешки и взаимного недоверия. Ли Фэн стояла у китайского КПП, смотрела на мокрые фермы, военных, переводчиков, журналистов и думала, что дипломатия плохо переносит дождь. Особенно когда у всех важные папки, а папки, судя по виду, плавать не умеют.

— Ты уверена, что надо ехать самой? — спросил Чжан Вэй. — Можно отправить пакет данных. Данные не промокают так драматично.

— Данные уже отправляли. Их прочитали как прогноз погоды.

На середине моста стояла российская группа. Ли узнала Андрея Ковалёва. Вживую — мокрым, невыспавшимся человеком с лицом, которое обещало бросить в Амур следующего чиновника со словами «в рабочем порядке».

Рядом с ним были Егор Слепцов, двое военных, женщина из МЧС, несколько инженеров и Баранов — начальник с российской стороны. Баранов держал папку так крепко, словно она могла удержать границу.

Ли шагнула на настил. Мост дрожал от техники и воды. Внизу Амур шёл широкий, мутный, злой.

Переводчик с российской стороны включил гарнитуру и начал:

— Российская делегация приветствует китайских коллег в сложный, но конструктивный момент совместной работы.

Ли посмотрела на Андрея.

— Можно без похоронного фарфора? — спросила она по-русски. — Мы все мокрые, времени мало.

Переводчик застыл. Андрей моргнул, потом улыбнулся.

— Можно. Российская делегация тоже устала от фарфора. Ковалёв.

— Ли Фэн.

Они пожали руки. Ладонь у него была холодная, сильная, с царапиной у запястья. На секунду Ли почувствовала знакомое покалывание, как от бабушкиной нефритовой пластины. Она отпустила руку раньше, чем это стало бы заметно.

— Вы плохо выглядите.

— Спасибо. Мы старались.

— Это не комплимент.

— Я понял. У нас тут все честные до грубости. Очень бодрит.

Баранов кашлянул.

— Коллеги, предлагаю перейти к согласованной повестке.

— Повестка простая, — сказала Ли. — Вода ведёт себя не по нашим и вашим моделям. Найденный у вас объект связан с аномалией. Если мы продолжим делать вид, что это только гидрология, мост станет удобной смотровой площадкой под водой.

Андрей ответил сразу:

— Объект изолирован. Основная система к нему не подключена.

— Она уже его увидела.

— Да.

— Это плохая новость.

— У нас других сегодня не выдают.

Закрытый брифинг устроили в сером модуле на российской стороне. На стене висели экраны с картами, графиками и старым руслом. Ли заметила серую подпись там, где должен был быть населённый пункт.

Андрей заметил её взгляд.

— Если вы про серую зону, там идёт уточнение.

— Уточнение — удобное слово. Им хорошо закрывать дырки.

— Иногда уточнение — это уточнение.

— Иногда. Поэтому я и смотрю.

Баранов сел во главе складного стола, хотя стол никакой главы не заслуживал. На экране открыли сводку: уровень, расход, дамбы, старое русло, прогноз. Ли дождалась конца служебных фраз и подключила свой планшет.

— У нас три независимых признака, — сказала она. — Обратная волна в нижнем контуре. Локальный вертикальный перенос осадков. И реакция воды на объект, найденный у вас.

— Первые два можно объяснить турбулентностью и микрорельефом, — сказал российский инженер.

— Можно. Если хотеть.

— Наука вообще держится на желании объяснять.

— Нет. Наука держится на готовности признать, что объяснение плохое.

Ли вывела видео дождя, падающего вверх. Потом карту обратной волны. Потом снимок нефритовой пластины с девятью кругами, один из которых был пустым.

Баранов напрягся.

— Культурные материалы в оперативный брифинг включать не нужно.

— Это не культурный материал. Это совпадение формы.

— Совпадения не являются основанием для решений.

— Согласна. Но когда совпадения повторяются в данных, архиве и найденном объекте, их хотя бы не надо выгонять из комнаты.

Андрей наклонился вперёд.

— Чего вы хотите?

— Совместный контур наблюдения без фильтра «Русла-9». Сырые данные с обеих сторон. Без автоматического сглаживания.

Егор, стоявший у стены, поднял глаза.

— Это возможно. Но будет грязно.

— Данные часто грязные. Зато честные.

— Я про политически грязно.

— Политика уже по колено в воде. Ей поздно бояться грязи.

Андрей вывел на экран свой сценарий.

— Без красивых слов: город держится за счёт трёх узлов. Старое русло работает как сброс. Северо-восточная дамба фильтрует. Если мы вырубим обработку через «Русло-9», прогноз запоздает минимум на семь минут. Семь минут сейчас — это автобусы, насосы и люди на крышах.

— Я не прошу остановить прогноз. Я прошу смотреть и на то, что алгоритм считает шумом.

— А если шум мешает спасать?

— А если он предупреждает?

Они посмотрели друг на друга через стол. Ли поняла, что спорит не с чиновником и не с холодным технократом. Андрей правда верил, что держит город руками, цифрами и злостью. С такими людьми трудно, потому что они не прячутся полностью за систему.

В модуле пискнул аварийный сигнал. На экране красным мигнула точка у промышленной низины.

— Провал грунта у третьей временной линии, — сказал Егор. — Там рабочие.

Андрей поднялся.

— Сколько?

— Шесть по списку. Два датчика пропали.

Ли посмотрела на карту. Провал был возле зоны, где старое русло подмывало основание. На её модели там утром всплывала обратная волна.

— Они стоят не там, где думают.

— В смысле?

— Под ними старый канал. Ваши карты показывают засыпку, но вода идёт ниже. Если техника останется справа, грунт уйдёт вместе с людьми.

Андрей посмотрел на экран всего пару секунд, потом схватил рацию.

— Третья линия, убрать технику справа! Рабочих с нижнего настила вывести к северному тросу. Не к дороге, к тросу!

Из рации пришли шум и ругань.

— Дорога ближе!

Андрей посмотрел на Ли и протянул ей рацию.

Ли взяла её. Быстро говорить на русском под шум аварии было неприятно, но выбирать не приходилось.

— Дорога пустая сверху, снизу вода. Идите к тросу. Если пойдёте к дороге, провалитесь. Это не совет, это геометрия.

Пауза.

— Кто говорит?

— Женщина, которая хочет, чтобы вы не стали частью геометрии.

В модуле кто-то фыркнул. Андрей шёл к выходу.

— Ли Фэн, со мной.

Баранов вскинулся.

— Это не согласовано.

— Догоняйте и согласовывайте на бегу, — бросил Андрей.

Снаружи дождь ударил в лицо. До низины ехали на вездеходе, потом бежали по настилу.

Провал выглядел хуже, чем на карте. Рядом стояли маленький кран, насосная тележка и грузовик с мешками. Один был по пояс в грязной воде и держался за трубу. Ещё двое пытались протянуть ему ремень, стоя на плите, которая медленно сползала вниз.

— Не туда! — крикнул Андрей. — Все к тросу!

— Он не держит! — крикнул рабочий.

Ли увидела, как вода рядом с плитой дрожит против течения. Под ними шёл старый канал. Он забирал грунт снизу, как ложкой.

— Кран назад нельзя, — сказала она. — Сорвёт плиту.

— Тогда левая лебёдка, — сказал Андрей в рацию. — Дайте дистанционно левую!

— Лебёдка не отвечает, — ответил Егор. — Связь скачет.

Ли увидела ручной рычаг на опоре.

— Там.

Андрей бежал к нему. Ли побежала следом. Рычаг заело. Андрей дёрнул раз, второй. Ничего.

— Конечно, — сказал он. — Когда нужна техника, она вспоминает про личные границы.

Ли посмотрела на фиксатор.

— Не туда. Сначала вниз.

— Он вверх открывается.

— На новых моделях. Это старая. Сначала вниз, потом на

себя.

— Откуда вы знаете?

— Я умею читать инструкции. Редкий дар.

Они вместе навалились на рычаг. Фиксатор щёлкнул. Лебёдка ожила с визгом. Трос пошёл к рабочим.

— По одному, — сказал Андрей в рацию. — Без героизма. Героизм потом оформим отдельным приказом.

Первого вытащили быстро. Второй поскользнулся, плита под ним просела. Ли крикнула:

— Левее! Нога на трубу, не на плиту!

Он послушался. Андрей бросил на неё короткий взгляд: не благодарность, а рабочее признание. Увидела правильно.

Третий зацепился ремнём за арматуру. Напарник полез помогать, но Андрей рявкнул:

— Стоять! Один дурак в воде — проблема. Два дурака — совещание!

Ли сняла с пояса аварийный нож и бросила рабочему на тросе.

— Режь ремень!

— Он казённый! — крикнул тот.

— Пишите на меня!

Ремень перерезали. Рабочего вытянули. Тогда насосная тележка накренилась и поползла к провалу. Один техник бросился к ней.

— Оставь железо! — крикнул Андрей.

— Там питание!

— Обесточить!

— Щит справа! — крикнул Андрей.

До щита было десять метров по скользкой доске. Андрей побежал, но под настилом хлопнуло, доска ушла вниз. Ли схватила его за рукав. Он удержался, но телефон вылетел из кармана и плюхнулся в грязь.

— Потом оплачу.

— Он давно просился на покой.

Егор появился с другой стороны и выдернул рубильник. Тележка погасла, через секунду её стянуло в провал. Вода буркнула, будто проглотила невкусное.

Последнего рабочего вытаскивали втроем. Когда он оказался на безопасной стороне, Андрей сел прямо на мокрый настил. Ли тоже села, потому что ноги внезапно вспомнили, что они не обязаны участвовать в международном сотрудничестве.

Рабочий с казённым ремнём поднял обрезок.

— За ремень кто платить будет?

Андрей посмотрел на него.

— Если вы сейчас заполните заявление, я лично утоплю вас обратно. В порядке эксперимента.

Рабочий подумал и убрал ремень в карман.

— Потом.

Ли рассмеялась от усталости. Андрей посмотрел на неё и тоже улыбнулся.

— Вы хорошо ругаетесь в аварии.

— Спасибо. Я тренировалась на аспирантах.

— Они выжили?

— Не все защитились.

Егор подошёл, тяжело дыша.

— Все шесть живы. Один ушиб, один порез, один будет жаловаться на ремень до пенсии.

— Нормальная статистика.

— Китайская модель по старому каналу оказалась точнее нашей.

Баранов помрачнел.

— Это не надо формулировать именно так.

Ли поднялась.

— Можете сказать: совместный анализ уточнил подземный сток.

— Вот, — сказал Баранов. — Так лучше.

— Смысл тот же.

— Зато лицо сохраняется.

Андрей поднял из грязи свой телефон. Экран треснул, но светился.

— Лицо — важный инфраструктурный объект. Его спасают чаще дорог.

В штаб вернулись в темноте. Брифинг продолжили без прежней вежливости. Люди быстрее называли проблемы своими именами. Егор открыл сырой слой данных с обеих сторон.

Ли стояла у карты старого русла. Андрей подошёл с двумя

бумажными стаканчиками и протянул один ей.

— Не отравлено. Хотя после вашего замечания про нашу модель у Оли были идеи.

Ли взяла стаканчик.

— Если это российский кофе из автомата, яд был бы гуманнее.

— Международное доверие начинается с честной оценки напитков.

Сырые данные показывали сеть старых каналов, которых не было на официальной подложке. Некоторые линии совпадали с тем, что Яна сняла на дне. Некоторые уходили под серые зоны.

— Здесь был посёлок, — сказала Ли.

Андрей не ответил сразу.

— Возможно.

— Вы выбираете удобное слово.

— Я выбираю слово, которое могу доказать.

— А если доказательства кто-то убрал?

— Тогда их надо найти, а не заменить догадкой.

— Иногда догадка — это место, где доказательство ждёт, пока его перестанут бояться.

Он повернулся к ней.

— Вы всегда так говорите?

— Как?

— Будто спорите с человеком и одновременно пишете статью.

— А вы всегда отвечаете так, будто собираетесь спасти мир силой раздражения?

— Пока работало.

— Мир выглядит не спасённым.

— Значит, надо раздражаться сильнее.

Ли рассмеялась. Некстати, но хорошо.

Ночью Ли вышла из штаба к настилу у воды. Ей нужно было проверить связь с Харбином и побыть без голосов. Дождь стал слабее. По реке шли тёмные полосы, и каждую хотелось считать течением, пока она не начинала двигаться против воды.

За спиной послышались шаги. Андрей вышел на настил, держа в руке сломанный телефон.

— Не спите?

— Сплю стоя. Продвинутая техника.

— Телефон умер?

— Думает. После купания в грязи все имеют право на переоценку жизни.

Он встал рядом. Некоторое время они молчали. Андрей закатал рукав, чтобы поправить мокрый браслет связи, и Ли увидела знак на его запястье.

Не татуировка. Не обычный ожог. Только в центре знака бился слабый чёрный отсвет, похожий на зрачок в воде.

Ли почувствовала, как холод прошёл по спине.

— Где вы это взяли?

Андрей посмотрел на запястье и быстро опустил рукав.

— Царапина. После клыка.

— Это не царапина.

— У вас всё не царапина, не труба, не совпадение. Сложно с вами.

— Покажите ещё раз.

— Нет.

— Андрей.

Он вздрогнул от того, как она сказала его имя. Не громко. Просто без служебного слоя.

— Я не знаю, что это.

— Зато оно знает вас.

Вода у настила пошла кругами, хотя дождь закончился. На секунду в тёмной поверхности отразилось не лицо Андрея, а узкий вертикальный глаз. Ли не отступила. Страх был неприятным, но рабочим: как холодный прибор в руке, который показывает правду.

Андрей смотрел на неё, будто проверял, видела ли она то же самое.

— Вы тоже?

— Да.

Он коротко выдохнул.

— Жаль. Я надеялся, что это недосып.

— Недосып не смотрит из реки.

— У вас категоричный недосып.

Ли достала нефритовую пластину. Под слабым светом рабочей лампы восемь драконов казались мокрыми. Пустой

центр потемнел. Знак на запястье Андрея ответил слабым блеском под рукавом.

Теперь она поняла не всё, но достаточно, чтобы ошибиться было трудно: Андрей не видел дракона в воде. Дракон смотрел через него — на карты, шлюзы и людей, которых называли пустыми зонами.

Ли убрала пластину.

— Завтра мы пересмотрим все ваши решения по старому руслу.

Андрей устало усмехнулся.

— Романтическое предложение.

— Я не обещала романтики.

— Заметил.

— И ещё. Если знак начнёт говорить, не отвечайте сразу.

— А если он спросит вежливо?

— Особенно тогда.

Они вернулись в штаб вместе, не договорившись ни о чём и поэтому сделав первый настоящий шаг к сотрудничеству. За их спинами Амур тёмно шевелился под мостом, а на мокром настиле несколько секунд держался след от воды: девять кругов, один с пустым человеческим центром.

Глава 8. Ночью река говорит по-китайски

После полуночи штаб стал похож на вокзал, где все поезда отменили, но пассажирам забыли сказать. Люди спали лицом в рукавах, спорили шёпотом и пили кофе, который уже не помогал. Андрей Ковалёв вышел на улицу не потому, что закончил работу. Работа размножалась, как плесень на мокрой стене.

Дождь ослаб. Над дамбой висел туман, фонари светили жёлтыми пятнами. Амур шумел внизу. Ночью говорил сам с собой.

Андрей шёл вдоль ограждения и проверял отметки на планшете. Дамба держалась, старое русло работало, провал у третьей линии засыпали. Шесть рабочих были живы, один ругался из-за ремня, и это считалось хорошим признаком.

Запястье под рукавом чесалось. Знак после клыка не исчез: восемь тёмных дуг, пустой центр, чёрный отблеск под кожей. Хотя после последних суток Андрей не поручился бы даже за аллергию.

Из рации хрипнул Егор:

— Ковалёв, ты где?

— На дамбе.

— Зачем?

— Проверяю, не сбежала ли.

— Вернись через десять минут. «Русло-9» пересчитывает ночной сценарий.

— Пусть пересчитывает. Оно любит внимание.

— Ли Фэн спрашивала, где ты.

— Скажи, что я ушёл спать.

— На дамбу?

— У меня авторская методика отдыха.

Егор помолчал.

— Андрей, после клыка ты странный.

— Спасибо. Раньше, значит, был нормальный?

— Раньше ты был привычно странный. Это другое.

Связь стихла. Андрей остановился у бетонного блока. За рекой светился китайский берег. Там тоже не спали. Там тоже люди смотрели на цифры и пытались убедить воду вести себя прилично.

Шум реки изменился. Андрей решил, что это китайская радиостанция пробилась в рацию, но рация молчала. Звук шёл снизу, из воды, вместе с туманом.

Слова были чужие. Андрей китайского не знал. Мог сказать «спасибо», «здравствуйте» и название трёх блюд, которые когда-то неправильно произнёс в Харбине. Сейчас он слышал другое. Фраза повторялась спокойно, будто её учили давно.

Он включил диктофон на треснувшем телефоне.

— Ну давай, — сказал Андрей воде. — Раз уж заговори-

ла, не стесняйся. У нас всё же планёрка через час, там будет хуже.

Река ответила яснее. Андрей не понял ни слова, но внутри что-то дрогнуло, будто кто-то постучал в дверь, которую он сам заколотил.

Туман перед ним уплотнился. Вода у откоса стала ровной полосой, хотя поток не должен был так останавливаться. В этой полосе мелькнул красный цвет.

Дождевик.

Он был маленьким, детским, с капюшоном, который Надя не любила застёгивать. Андрей оказался не на ночной дамбе, а в августе 2013-го, у старого дома тёти Веры, где двор заливало водой. Ему было шестнадцать. Он считал уровень по ступенькам крыльца, потому что тогда верил: если всё правильно посчитать, беда станет воспитаннее.

— Андрюха, перестань считать лужи! — кричала Надя.
— Они не сбегут!

Она прыгала по воде в красном дождевике. Сосед тащил на тележке мешки с картошкой и клетку с кроликом. Кролик смотрел на мир так, будто давно понял устройство государства.

— Надя, иди в дом! — крикнул Андрей.

— Сам иди! Ты старший, тебе положено быть скучным!

Воспоминание было ясным: мокрая земля, бензин от лодочного мотора, собака тёти Веры, которая лаяла на воду, как на нарушителя участка. Надя показала ему язык, капю-

шон сполз ей на глаза. Красный дождевик блеснул под серым небом.

Потом цвет начал темнеть. Сначала Андрей решил, что это тень. Надя уже не смеялась. Вода поднялась выше, чем должна была. Дом отодвинулся, звуки стали глухими. Домовёнка? У них такого не было. Или было?

— Надя! — крикнул он.

Она подняла голову. Короткая фраза. Пауза. Снова фраза. Андрей резко открыл глаза. Он стоял на дамбе и держался рукой за мокрый бетон. Телефон записывал. Река шумела обычным ночным шумом. Запястье горело под рукавом.

— Отлично, — сказал он хрипло. — Теперь у меня ещё и архив с субтитрами.

За спиной послышались шаги. Ли Фэн подошла без зонта, с планшетом в руке. Вид у неё был такой, будто она давно искала его и заранее знала, что найдёт возле воды.

— Егор сказал, вы спите на дамбе.

— Егор завидует моему режиму.

— Вы слышали что-то.

Это не было вопросом. Андрей разозлился, потому что с вопросом было бы легче соврать.

— Вода шумит. Большая новость для климатолога.

— Не только шумит.

— Вы теперь следите за всеми, кто разговаривает с рекой?

Список будет длинный.

Ли протянула руку.

— Покажите запись.

— Нет.

— Если это китайская речь, я переведу.

— А если это недосып?

— Недосып обычно говорит на родном языке.

Он хотел отшутиться, но не вышло. Слишком свежо звучал голос Нади. Андрей включил запись. Динамик выдал ветер, воду и тихую фразу. Ли слушала внимательно. На второй раз побледнела.

— Что?

— Там говорится: «Девятый вернулся».

— Кто вернулся?

— Дословно ближе к «девятый носитель вернулся». Зависит от контекста.

— Контекст простой: мокрая дамба, три часа ночи, я не спал. Выбирайте менее безумный вариант.

— Менее безумного нет.

— Очень профессионально.

Ли посмотрела на него.

— Вы видели что-то?

— Нет.

Ложь вышла быстро. Слишком быстро. Ли это заметила и не стала давить. Молчание после лжи оказалось хуже вопроса.

— Ничего?

— Воду. Туман. Собственное желание уйти в отпуск лет

на пять.

— Красный цвет был?

Он резко посмотрел на неё.

— С чего вы взяли?

— У вас лицо изменилось на слове «вернулся». И вы держите рукав так, будто знак под ним болит. Иногда память приходит цветом, а не картинкой.

— Это из науки или от бабушки?

— От обеих. Они иногда договариваются быстрее людей.

Андрей выключил запись.

— У меня была сестра. Она погибла во время паводка. Иногда мозг делает подарки. Плохие. На этом всё.

— Как её звали?

Он замолчал. Имя было родное, простое, но не пришло сразу.

— Надя, — сказал он наконец. — Её звали Надя.

— Звали?

— Зовут. В памяти. Не придирайтесь к глаголам.

— Я не придираюсь. Я проверяю, где боль закрыта слишком аккуратно.

Андрей усмехнулся без радости.

— У вас талант говорить вещи, после которых хочется стать менее честным.

— Не становитесь. Вы и так стараетесь.

В рации заговорила Оля:

— Андрей, ты там нашёл смысл жизни или можно вер-

нуться к обычной катастрофе? «Русло-9» выдало ночной прогноз. Нам всем не нравится.

— Иду.

Ли пошла рядом. Дорога к штабу была короткой, но Андрей успел пожалеть о слове «Надя». Имя звучало внутри чужим эхом. Красный дождевик. Чёрный дождевик. Домовёнок в руках, которого никогда не было. Или был.

В штабе пахло горячей пластмассой и кофе, которому давно пора было получить статус химического оружия. На главном экране висела новая схема «Русла-9». Оля стояла перед ней с видом человека, который хочет спорить с машиной.

Егор сидел за пультом.

— Сценарий сформирован автоматически, — сказал он.

— Без запроса оператора.

— Как это без запроса?

— Система решила, что мы слишком медленные. Машины вообще неблагодарные.

Ли подошла к экрану. Схема показывала город, старое русло, дамбы и три зоны ниже по течению. Три серых пятна. Возле каждого — служебное название: «Участок С-17», «Буферная зона Л-3», «Низинный сектор В-8».

Андрей понял, что за ними что-то скрыто. Он хорошо знал язык, на котором люди прячут живое: чем суше название, тем мокрее под ним история.

— Покажи подложку населённых пунктов, — сказал он.

Оля вывела слой. Серые пятна дрогнули. Одно он видел:

Кедровый Затон. Два других исчезли быстрее, но он успел уловить: Сухая Протока, Малые Лиственники.

— Верни.

— Не могу. Система сама схлопнула слой.

Егор нахмурился.

— Это не оптимизация. Она заменила подписи классификацией.

— Зачем?

Оля посмотрела на графики.

— Чтобы вывести решение в допустимый риск. С названиями там населённые пункты, пусть спорные и частично снятые с учёта. Без названий — гидравлические буферы. Буферы, как известно, не пишут жалобы.

На экране появилась итоговая строка: «Для удержания основного городского контура рекомендуется перераспределение паводковой нагрузки через три низинных сектора». Ниже — расчёт: 88,6 % против 51,3 %. Числа были неприятно убедительны.

— Сколько там людей?

— Официально постоянного населения нет.

— Неофициально?

Егор открыл тепловые карты. Не много, но и не ноль. Временные строения, слабые источники тепла, возможно, животные, возможно, люди. Времени не было.

Баранов вошёл в штаб так, будто его вызвала сама тревога, и прочитал экран.

— Что это?

— Новый прогноз.

— Хороший?

— Для города — да.

— Для кого плохой?

Никто не ответил. Баранов посмотрел на серые зоны и понял.

— Там же нет постоянного населения.

Ли тихо сказала:

— Это не значит, что там нет людей.

— У нас речь о десятках тысяч в городе.

— А у них речь о себе.

Баранов повернулся к Андрею.

— Решение нужно сейчас.

Андрей смотрел на экран. В голове прозвучала китайская фраза, потом голос Нади: «Ты опять всё считаешь», потом чёрный дождевик.

— Дроны на тепловизор, — сказал он.

Егор покачал головой.

— Полный проход — двадцать две минуты. Окно сброса — одиннадцать.

— Частичный?

— Семь минут на первый сектор, ещё по пять на остальные. Качество плохое.

— Запускай.

Баранов шагнул ближе.

— Если ждём, город получает волну.

— Если не ждём, можем утопить людей, которых даже не назвали.

— Это аварийное решение.

— Спасибо, я думал, это кулинарный конкурс.

На экране открылась форма: «Подтверждение перераспределения паводковой нагрузки». Три зоны, расчёт, прогноз и строка подписи. Всё аккуратно. Слишком чисто.

Ли встала рядом.

— Не подтверждайте, пока нет прохода.

— Если он не подтвердит, — сказал Баранов, — может лечь дамба.

— Если подтвердит вслепую, вы потом назовёте это зоной низкой плотности.

— Я не намерен слушать обвинения от иностранного специалиста в момент ЧС.

— А я не намерена делать вид, что ваши слова суше вашей земли.

Оля шепнула Егору:

— Вот это брифинг. Даже кофе проснулся.

Андрей не слышал их. Он смотрел на форму. Строка подписи мерцала. Система подсказывала: «Подтверждение требуется для стабилизации». Ещё ниже мелко: «Психологическая нагрузка на оператора учтена».

— Ах вот как.

— Что?

— Она ещё и мою психологическую нагрузку учла. Заботливая.

— Кошечкой помогает, — сказала Оля. — Сейчас погладит по голове и заберёт душу в облако.

Данные первого дрона пришли через минуту. Первый сектор: два тепловых пятна.

— Похоже на человека и печь, — сказала Оля. — Или на две ошибки, потому что дождь мешает.

— Предупреждение туда. Сирену.

Егор отправил команду. Второй дрон дал картинку по Сухой Протоке: четыре пятна у длинного строения. Третий сектор пока не отвечал.

— Окно сброса восемь минут, — сказал Баранов.

Андрей навёл стилус на экран. Рука не дрожала. Или как у человека, который делал это раньше.

В нижнем углу формы что-то мигнуло. На долю секунды вместо служебной строки появилась детская подпись: «А. Ковалёв», с нелепо длинным хвостом у буквы «в».

Андрей замер.

— Что это было?

— Вы видели?

— Да.

Егор поднял голову.

— Видел что?

Оля мотнула головой.

— У меня ничего.

На экране была обычная форма. Андрей вспомнил школьный стол, мокрые рукава, реки и стрелки на полях тетради. Надя подписывала его карты: «Андрюхино море», «лужа имени дурака». Это было до «Русла-9». До того, как его имя научилось появляться там, где он его не ставил.

— Андрей, — сказала Ли. — Не торопитесь.

Баранов сказал одновременно:

— Подтверждайте.

Рация захрипела: дамба дала новый рост фильтрации. На экране вероятность удержания падала: 88,6, 87,9, 86,4.

Андрей закрыл глаза на одну секунду. Этого хватило, чтобы услышать реку. Просто тяжёлый голос воды, который не просил и не угрожал. Он считал.

Когда он открыл глаза, рука стояла над экраном.

— Частичные предупреждения по всем трём секторам. Дроны продолжают проход до последней секунды. Сброс — по минимальному профилю, без резкого фронта.

— Это снизит эффективность.

— Зато даст людям шанс выбраться.

— А если дамба не удержит?

— Тогда будете говорить, что я ошибся. Вы в этом талантливы.

Он поставил подпись.

Форма приняла решение. На секунду под его фамилией мелькнула детская каракуля. На этот раз рядом проступили три буквы: «Над». Потом экран мигнул, и всё исчезло.

— Сценарий подтверждён, — сказала Оля.

Егор отдавал команды. Дроны летели ниже, цепляя воду. Ли стояла рядом и молчала. Она не сказала «правильно» и не сказала «зря». За это он был ей благодарен.

На основном экране «Русло-9» вывело новую строку: «Оператор Ковалёв-А подтвердил адаптивный профиль. Интерфейс девятого русла стабилен».

— Что за интерфейс? — спросила Ли.

Оля нахмурилась.

— У меня этой строки нет.

Егор посмотрел на свой монитор.

— У меня тоже.

Андрей смотрел на экран, пока строка не исчезла. В отражении были люди, карты, лампы и его собственное лицо. На миг вместо глаз у отражения блеснул узкий тёмный зрачок.

Он отвернулся первым. Потому что боялся: если задержится на секунду, отражение улыбнётся раньше него.

Глава 9. Призрачный поезд КВЖД

Поезд для эвакуированных и специалистов стоял у временной платформы так, будто сам не верил, что ему придётся ехать. Вагоны были старые, зелёные, с новыми датчиками на крышах и свежими наклейками МЧС на дверях. Получилось странно: советское детство, цифровая тревога и запах мокрых носков в одном составе.

Яна Руднева снимала посадку и старалась не наступать людям на сумки. Сумки лежали везде: клетчатые, спортивные, детские, мешки из-под сахара, пластиковые пакеты с документами. Один дед держал на коленях кастрюлю.

— Там суп?

— Там кот.

— Почему в кастрюле?

— Потому что в переноску он не пошёл. А в кастрюлю сам залез. У нас в семье каждый спасается как умеет.

Кот изнутри кастрюли мрачно мяукнул. Яна сняла крупно крышку, под которой торчал ус.

— Герой дня.

— Герой у нас Ковалёв, — буркнул дед. — По телевизору сказали.

Яна повернула камеру к Андрею. Он как раз спорил с Егором у двери служебного вагона. На героя он не походил: мокрый, злой, с треснувшим телефоном и рукавом, который он

постоянно дёргал вниз, закрывая запястье.

— По телевизору многое говорят, — сказала Яна. — Иногда даже прогноз погоды.

— Прогноз погоды — это когда тебе обещают дождь, а приходит жизнь, — ответил дед.

Яна решила, что деду надо дать отдельное интервью, если все выживут и кот не захватит поезд.

Ли Фэн стояла у служебного входа и смотрела на состав не как пассажир, а как человек, который пытается понять, где вещь начнёт вести себя неправильно. После ночного знака на запястье Андрея она не спала. Да и сон был плохой роскошью: стоило закрыть глаза, как всплывали девять кругов, чёрный клык и карта старого русла, где названия исчезали аккуратно.

— Архивный узел точно доступен? — спросила она у Егора.

— Железнодорожная ветка выше воды. Пока. Дорога туда затоплена, поэтому поездом быстрее.

— А почему архив КВЖД не оцифрован полностью?

Егор посмотрел на неё так, будто она спросила, почему люди умирают.

— Потому что архив. Там половина фондов пережила империи, войну, мышей и три комиссии. Цифровизация пока проигрывает мышам.

Андрей подошёл ближе.

— В архиве есть старые схемы русел и дореволюционные

путевые журналы. Если Лян прислал метку «Кедровый Затон» не для красоты, корни могут быть там.

— И карта, которую Яна сняла на дне, — добавила Ли.

Яна подняла руку.

— Я рядом и слышу, когда меня используют как доказательство. Это приятно, но тревожно.

— Вы едете с нами как документалист?

— Как человек, у которого есть копия файла, спрятанная в папке «Коты_эвакуация». Это дипломатический статус.

Егор вздохнул.

— Только не снимайте режимные объекты.

— Тогда зачем вы берёте меня в поезд с режимными объектами?

— Я всё ещё задаю себе этот вопрос.

Проводница, женщина с лицом школьной завуча, вышла на платформу и хлопнула ладонью по поручню.

— Посадка заканчивается! Кто не сел, тот потом будет героически бежать за поездом и мешать расписанию!

— У нас есть расписание?

— Конечно. Оно уже не имеет отношения к жизни, но существует. Как некоторые начальники.

Поезд тронулся рывком. Люди в вагоне зашумели, пакеты заскользили, кот в кастрюле выразил политическую позицию. За окном поплыли мокрые двory, затем складские заборы, потом вода, вода и вода. Летний дождь бил по стеклу, но чем дальше поезд уходил от временной платформы, тем

холоднее становилось в вагоне.

Ли заметила это первой. На внутреннем датчике температура упала на четыре градуса за минуту.

— Егор.

— Вижу.

Окна начали белеть по краям. В июле. Пожилая женщина у окна перекрестилась, потом посмотрела на Ли и смутилась, будто нарушила научный протокол.

— Можно, — сказала Ли. — Сегодня все методы наблюдения принимаются.

За окном мелькнул фонарь. Старый, жёлтый, на деревянном столбе. Потом один. Потом дождь стал снегом. Лампы под потолком превратились в тусклые стеклянные плафоны, пластик стен потемнел, сиденья стали деревянными. Люди вскрикнули. У кого-то из рук выпал телефон и ударился об пол уже не современным звуком, а глухим стуком, как по старым доскам.

Яна вскинула камеру. Камера показывала вагон с эвакуированными, мокрые куртки и наклейки МЧС. Глазами она видела старый поезд: пар, жёлтый свет, чемоданы с ремнями, людей в чужой одежде. На верхней полке сидел мальчик в длинной рубахе и ел яблоко. Через него просвечивал мужчина с рюкзаком из нынешнего времени.

— Это у меня камера сломалась или мир?

— Мир, — сказал Андрей. — Камера держится.

— Приятно, что хоть кто-то профессионален.

Ли провела ладонью по стене. Дерево было холодным и влажным. Под пальцами проступали царапины на китайском, русском, маньчжурском, потом гладкий пластик.

— Мокрый слой.

— Очень научно, — сказал Андрей. — Звучит как диагноз подвала.

— Пространство, где вода показывает не место, а долг. Старые маршруты, забытые решения, люди, которых перевозили и списывали.

— Бабушка?

— Частично.

Егор открыл дверь в тамбур. Там был не тамбур. Там стояла площадка между вагонами старого поезда, летел снег, а под колёсами стучали рельсы. Настоящие рельсы. Вода за окном исчезла, но её шум остался под полом.

Проводница крепко схватила поручень.

— Так. Всем сидеть. Не бегать. Не кричать. У кого паника, паникуем по очереди.

Это помогло лучше, чем официальные объявления. Люди начали садиться, прижимать детей и сумки. Кот в кастрюле затих. Дед накрыл крышку полотенцем.

— У него стресс, — пояснил он.

— У кота?

— У меня. Но кот тоже не в восторге.

Вдоль состава раздался металлический скрежет. Поезд дёрнулся. За окнами на секунду показался другой состав,

идуший рядом: чёрные вагоны, белые буквы, лица в окнах. Потом из-под соседнего вагона выскользнуло что-то длинное, серебряное, с изгибающимся корпусом.

Дрон? Змея? Рыба? Яна не стала выбирать, потому что существо ударило в стекло. Окно треснуло.

— На пол! — крикнул Егор.

Второй серебряный корпус скользнул по крыше. Потом третий. Они шли вдоль поезда, цепляясь тонкими лапами за металл. Слишком технологично для духов и живо для дронов.

— Это Лян? — спросила Яна, прижимаясь к сиденью.

— Или река делает косплей Ляна, — сказал Андрей. — Мне уже всё равно.

Ли смотрела на потолок. Один из «змеев» резал крышу вагона, будто искал кабель.

— Они идут к служебному модулю, — сказала она. — Там клык?

Егор выругался.

— В хвостовом вагоне. Изолированный контейнер.

— Изолированный от сети, — сказал Андрей. — Не от механических речных змей. Упущение в инструкции.

Егор бросил ему страховочный трос.

— На крышу.

— Конечно. А я надеялся на скучную поездку.

Ли тоже взяла трос.

— Я иду.

Андрей хотел возразить. Ли начинала уважать его за способность иногда не тратить время на бесполезные запреты.

Яна поднялась следом.

— Я тоже.

— Нет, — хором сказали Андрей и Егор.

— У меня камера.

— У змей нет пресс-службы.

— Тем более.

Проводница сунула Яне старый железный ключ.

— На крыше есть люк. Если вы умрёте, верните ключ перед этим.

— Обязательно.

Они выбрались через люк в тамбуре. Крыша была мокрая, скользкая, под ногами гудел поезд. Снег летел в лицо, хотя где-то снаружи продолжался летний дождь. История ехала рядом и не собиралась уступать путь.

Ли первой увидела змея у хвостового вагона. Он был длинный, как пожарный рукав, покрытый серебряными пластинами. Голова — то ли камера, то ли рыба пасть. Он резал корпус контейнерного отсека.

— Если это дрон, у него плохие манеры, — сказала Яна, хватаясь за крепление.

— Если это дух, у него тоже.

Змей резко повернулся. Из его пасти вышел тонкий поток воды, который на морозном воздухе тут же стал ледяным хлыстом. Ли пригнулась. Хлыст прошёл над головой и сре-

зал антенну. Антенна улетела в снег.

— Минус связь.

— Зато теперь не придут лишние уведомления, — крикнул Андрей впереди.

Он закрепил трос на поручне и бросился к хвостовому вагону. Андрей выставил руку. Вода, скопившаяся на крыше, поднялась стеной и приняла удар. На секунду это выглядело так, будто он держит прозрачный щит.

Ли замерла.

— Андрей!

— Потом удивляться! Сейчас бежать!

Щит рассыпался брызгами. Андрей пошатнулся, но удержался. Яна успела снять это на камеру и пожалела. На записи, скорее всего, будет либо чудо, либо компромат, а оба варианта плохо хранятся в папке с котами.

Ли добежала до контейнерного отсека. Замок был наполовину разрезан. Егор, который двигался тяжелее, но надёжнее всех, ударил змея ломом. Существо взвизгнуло не железом и не животным — чем-то средним, неприятным.

— Хорошие новости, — сказал Егор. — Его можно бить.

— Плохие?

— Их много.

Действительно, к хвосту поезда ползли три змея. Они шли по бокам вагонов, как живые кабели. Один нырнул в пар у колёс, другой поднялся на крышу, третий исчез под снегом.

Ли открыла свой планшет. Экран сбоил, но показывал ко-

роткие всплески сигналов.

— Они реагируют на клык. Не на нас.

— Приятно, — сказала Яна. — Значит, если клык отдать, нас не съедят?

Андрей стоял у края крыши. Вода поднялась вокруг него, но без его команды. Она шла с крыши, из снега, из воздуха, собиралась в дугу.

— Ковалёв! — крикнул Егор.

Андрей не ответил.

Дуга воды ударила в первого змея и отбросила его с крыши. Второй получил удар снизу и перелетел через вагон. Третий замер, будто не знал, что делать с человеком, который только что использовал погоду как щит. Поезд дёрнулся, Яна упала на колени. Ли схватила её за воротник и удержала.

— Спасибо, — сказала Яна. — Я уже стала архивным материалом.

Андрей поднял руку снова. Вода развернулась шире. На секунду весь хвостовой вагон оказался внутри мутной полусферы. Змеи били в неё, скользили, шипели. Под ногами дрожал металл.

— Он это контролирует? — спросила Яна.

Ли смотрела на знак под рукавом Андрея. Тот светился через мокрую ткань.

— Не уверена.

— Отлично. Обожаю, когда спасение без инструкции.

Егор добрался до Андрея и ударил его ладонью по плечу.

— Хватит!

Вода рухнула сразу. Ли ударила его аварийным ножом в красный глазок. Существо дёрнулось, рассыпалось на воду и металлические пластины. Пластины тут же почернели и растаяли на крыше, как грязный снег.

Поезд вошёл в тоннель, которого на этой ветке быть не могло. Стало тёмно. Змеи пропали. Вагон под ногами стал обычным, с наклейкой МЧС и новым сенсором, который держался на одном винте.

Андрей стоял, опустив руку. Лицо у него было нормальное. Слишком нормальное.

— Что случилось? — спросил он.

Егор смотрел на него.

— Ты серьёзно?

— Я помню, как мы поднялись на крышу. Потом... — Андрей нахмурился. — Потом вы все уже смотрите на меня, будто я съел кота из кастрюли.

Яна медленно подняла камеру.

— Три минуты. Ты не помнишь три минуты.

— Что я делал?

— Воду стенкой ставил, змей бил, выглядел внушительно.

Очень неудобно будет объяснять это как ветер.

Андрей протянул руку к камере.

— Покажи.

— Нет.

— Яна.

— Нет, Андрей. Во-первых, это моя запись. Во-вторых, если человек не помнит, как спасал людей водой, запись лучше хранить у того, кто не спасал людей водой.

Егор одобритительно хмыкнул.

— Ненавижу, когда она права.

Ли коснулась рукава Андрея.

— Знак болит?

Он одёрнул руку.

— Не больше, чем всё остальное.

— Это не ответ.

— У меня сейчас нет хороших ответов.

— Тогда не делайте вид, что есть.

Они вернулись в вагон через люк. Пассажиры встретили их молчанием. Потом дед с кастрюлей спросил:

— Всё?

— Пока да.

— А что это было?

Яна сняла с куртки кусок чёрной пластины, который прилип к рукаву, и спрятала в пакет.

— Технические трудности.

Дед кивнул.

— Я так и понял. Когда железная дорога начинает показывать зиму в июле, это всегда технические трудности.

Поезд замедлился у старой станции. На табличке было написано несколько названий, одно поверх другого. Современная табличка говорила: «Архивный узел Северный». Ста-

рая, проступившая под краской, — «КВЖД. Путевой фонд». Ещё ниже, на китайском, мелькнула надпись, которую Ли прочла как «место, где дорога помнит долги». Она решила никому не переводить. Люди и так устали.

Архив находился в бывшем станционном здании, куда поезд входил целиком, как в ангар. Сотрудников не было. Только автоматическая охрана, которая при виде Егора подумала десять секунд и решила не связываться.

— Умная дверь.

— Просто у меня лицо разрешения.

— Лицо угрозы, скорее.

— Тоже работает.

Они прошли в дальний зал. Там стояли металлические шкафы, старые картотеки и новые серверные стойки. Пол местами блестел водой. Ли слышала, как где-то в глубине здания стучат колёса, хотя поезд остановился.

— Нам нужен фонд по старым руслам, дореволюционным переправам и аварийным зонам.

— И по Нерчинскому договору, — добавила Ли.

Егор посмотрел на неё.

— Это железнодорожный архив.

— Сегодня поезд стал призрачным. Я бы не была так строга к специализации.

Яна снимала таблички на шкафах. Некоторые названия менялись, когда камера проходила мимо. «Путевые ведомости» становились «Списками переселения», «Гидрология»

— «Память грунтов», «Закрытые карты» — «Не спрашивать без причины».

— Мне нравится этот архив, — сказала Яна. — Он хамит честнее чиновников.

В дальнем конце зала вспыхнул фонарь. Под ним стояло купе. Отдельное железнодорожное купе посреди архива: дверь, окно, латунная ручка, занавеска. Никакого вагона вокруг не было.

— Это новое?

— Для архива КВЖД? — сказал Егор. — Возможно, нет. Андрей подошёл первым. Ли заметила: он дёрнул рукав вниз. Не помнит три минуты, но тело помнит, что надо прятать знак.

Дверь купе открылась сама. Внутри было тесно: два сиденья, столик, сетка для багажа. На столе лежала папка из потемневшей кожи. Печати на ней были старые, но рядом стоял современный QR-код. Яна навела камеру.

— История тоже цифровизировалась. Неудачно, но старалась.

Ли открыла папку. Внутри была карта. Бумага плотная, с водяными пятнами. На первый взгляд — карта бассейна Амура: русла, притоки, старые станции, посёлки. Но поверх чернил шли девять линий, знакомых по схеме «Русла-9».

— Это невозможно.

— Сегодня это слово уже уволилось.

Андрей наклонился над картой. В углу стояла дата: 1689.

Не подпись реставратора, не архивная отметка. Часть самой карты. Рядом — водяной знак: восемь кругов и пустой центр.

Яна приблизила камеру.

— «Русло-9» существовало в тысяча шестьсот восемьдесят девятом?

— Нет.

Голос у него был спокойный.

— Тогда почему его карта старше электричества? — спросила Яна.

Ли провела пальцем над линиями, не касаясь бумаги. Девятая линия шла от старого Нерчинского узла через Амур, через серые зоны, через Кедровый Затон, через нынешний штаб. И заканчивалась не на реке.

Она заканчивалась маленьким знаком в форме человеческой груди. В центре стояла метка: девятая печать.

Ли подняла глаза на Андрея. Он тоже смотрел на метку. Рука у него медленно поднялась к груди — не к запястью, не к шраму, а точно туда, где на карте стоял знак.

— Не трогайте, — сказала Ли.

Он остановился.

Яна перевела камеру с карты на него.

— Андрей, только не говори, что ты опять ничего не помнишь.

Он молчал. В купе за их спинами тихо стукнули колёса, хотя поезд стоял в архиве, под крышей, без движения. На карте проступила новая строка, влажная, как свежие черни-

ла: «Девятая печать не ставится на бумагу. Она ставится на того, кто согласился считать воду вместо памяти».

Андрей наконец отступил от стола.

— Эту карту никто не забирает один, — сказал он.

Ли кивнула.

— Впервые за день полностью согласна.

Яна выключила камеру на секунду, чтобы сменить карту памяти. Новую карту она поставила быстро и аккуратно. Старую спрятала в карман под молнию, рядом с кусочком чёрной пластины.

— Просто предупреждаю, — сказала она, — если кто-нибудь попросит удалить запись, я начну кусаться как тот кот в кастрюле.

За окном купе прошёл тёмный силуэт проводника в старой форме. Он не посмотрел на них. Только остановился у двери и повесил снаружи табличку: «Места заняты». Потом стук колёс затих, фонарь погас, а карта осталась лежать на столе, мокрая по краям, будто её только что достали со дна.

Глава 10. Первый разрыв

После архивного узла Андрей спал сорок минут, если это можно было назвать сном. Он сидел в кресле штаба, голова упала на грудь, рация лежала в руке, а на экране перед ним карта 1689 года мигала поверх современной схемы «Рус-ла-9». Во сне колёса стучали под водой, клык говорил голо-сом Нади, а Ли Фэн стояла рядом и повторяла: «Не отвечай-те, если знак спросит вежливо».

Знак не спрашивал. Он горел под рукавом и чесался так, будто у него было своё мнение по каждому решению штаба.

Проснулся Андрей от сирены.

Не от общей, городской, к которой все начали привыкать, а от короткой инженерной. Такой звук не включали для красоты. Он означал: где-то металл, бетон или люди перестали выдерживать.

Оля стояла у главного экрана. Лицо у неё было бледное, злое и собранное.

— Северо-восточная дамба дала разрыв фильтрации, — сказала она. — Сначала точечный. Теперь растёт. Уровень выше расчётной отметки на двадцать семь сантиметров.

— Двадцать семь? — Андрей выпрямился. — Когда успе-ло?

— Пока ты спал и изображал паводковый натюрморт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.